

Ульяна Михальцова

ПЕРЕПУТЬЕ

Мистическая драма

Ульяна Михальцова
Перепутье. Мистическая драма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68795754

SelfPub; 2023

Аннотация

В необычный бар попадают посетители, оказавшиеся между жизнью и смертью. Каждому из них предстоит выбрать, куда идти дальше. Принять это непростое решение им помогает Бармен, но чего же хочет он сам?

Содержание

Действие первое.	5
Эпизод 2. СОНЯ	16
Действие второе.	54
Эпизод 1 (6). НАТАЛЬЯ	54
Эпизод 2 (7). РИТА.	66
Эпизод 4 (9). БАРМЕН	85

Ульяна Михальцова

Перепутье.

Мистическая драма

Мистическая драма в двух действиях

Действующие лица:

Бармен

Алексей

Соня

Аграфена

Фредерика

Александр

Екатерина

Наталья

Рита

Вениамин

Действие первое.

Эпизод 1.

АЛЕКСЕЙ

Обстановка бара, в которой видны две двери. На барной стойке радиоприёмник, из которого играет музыка. Бармен переключает радиоканалы, ловит радиоволну, готовится к приходу посетителя.

"И лампа не горит, и врут календари, и если ты давно хотела что-то мне сказать, то говори..." – доносится из радиоприемника.

Бармен стоит за барной стойкой, расставляет стаканы, чашки, напевает себе под нос звучащую по радио песню.

В бар входит Алексей. Держится за голову. Садится на стул у барной стойки.

АЛЕКСЕЙ: Где я?

БАРМЕН: Вы на перепутье.

АЛЕКСЕЙ: Это бар ваш так называется?

БАРМЕН: Можно и так сказать. Налить вам что-нибудь? Вижу, у вас голова болит.

АЛЕКСЕЙ: Да, просто разламывается.

БАРМЕН: Бывает. Ощущения не из приятных. Так что вам предложить? Чай, кофе, сок, что-то покрепче?

АЛЕКСЕЙ: Воды можно? Очень пить хочется.

БАРМЕН: С газами или без?

АЛЕКСЕЙ: Без.

Бармен наливает воду в стакан, протягивает Алексею. Тот жадно пьет.

БАРМЕН: Так лучше?

АЛЕКСЕЙ: Намного. Спасибо.

БАРМЕН: Да что там. Это же просто вода. Могу предложить вам что-то поинтересней. Коктейль желаний, например: намешаю туда все, чего вам не хватает.

АЛЕКСЕЙ: Спиртное не люблю.

БАРМЕН: Так я вам не спиртное предлагаю, а желания

ваши. Градус желаний определяете вы сами: можем и повысить, но так, чтоб на ногах устоять, голову не потерять. Она ведь у вас теперь с дыркой.

АЛЕКСЕЙ: Почему с дыркой?

БАРМЕН: Так трепанация черепа же была. Кровоизлияние в мозг. Гематома. Чуть спасли. Состояние критическое. Стабильное.

АЛЕКСЕЙ: Вы в своем уме?

БАРМЕН: Нет, в вашем. Хотя технически это вы у меня в гостях. Вернее, вы мой посетитель. Я же на работе всего лишь. Не живу же я здесь.

АЛЕКСЕЙ: Я тоже здесь задерживаться не собираюсь.

БАРМЕН: Домой спешите? В пустую квартиру? Где даже тараканы не прижились? Потому что им кормиться нечем. Вам за стерильность жизни грамоту еще не вручили? Интересно, болезненный педантизм – это у вас наследственное или воспитанное?

АЛЕКСЕЙ: Мама была строгой. А откуда вы?...

БАРМЕН: Работа такая. Зато всегда что-то интересное. Я же вас насквозь вижу. Не в смысле, что вы для меня прозрачный, и шкаф за вашей спиной мне и через вас проглядывается, а вы сам у меня весь, как на ладони.

АЛЕКСЕЙ: Экстрасенс, что ли?

БАРМЕН: Вроде того.

АЛЕКСЕЙ: Я в экстрасенсов не верю.

БАРМЕН: А давайте попробуем. Вы Алексей. Вам 36 лет. Трудоголик. Бывший алкоголик. Шучу. Вы ж не пьете. Потому что знаете, что если начнете, то сопьетесь. Как половина родственников ваших. Ну, ладно. Не половина. Тридцать восемь процентов. Вы ж все это уже вычислили. Поэтому и с женщинами встречаетесь аккуратно. Редко, и предохраняетесь всегда. К себе не приглашаете. Нет, даже не так. Никого не пускаете в свою жизнь. Каждый вечер перед сном протираете все поверхности, а их у вас немного, моете тряпкой пол. В воду обязательно добавляете дезинфицирующий раствор. Да, это потому, что в детстве переболели чем-то инфекционным. Неразборчиво написано, не могу прочесть, чем именно. Но после этого мама стала бояться за вашу жизнь и держать вас в стерильных условиях. В тридцать ваших лет она отправила вас жить самостоятельно. Вот вы и

живете. Как умеете. Я бы добавил, что на работе вас ценят и уважают, но врать не люблю. Вы для них в лепешку расшибетесь и расшиблись, а им просто удобно, что такой знающий и ответственный сотрудник всегда под рукой. Хоть и со странностями, но маниакально предан работе. Им сейчас без вас очень тяжело. Но замену уже подыскивают. Прогнозы неутешительные.

АЛЕКСЕЙ: Какие прогнозы?

БАРМЕН: Кровоизлияние было обширным. А у меня здесь для вас коктейль желаний...

Алексей срывается со стула, хватая бармена за грудки.

АЛЕКСЕЙ: Ты что несешь? Ты откуда про меня все знаешь? Экстрасенс хренов!

БАРМЕН: Ээээ! Потихе! Это реакция на лекарства, что ли? Или все задавленные эмоции наконец-то вышли? Спокойно. Садитесь. Давайте-ка чая с душицей выпейте. Чабрец и душица – для всех, кто хочет удавиться. Ну, и вам тоже поможет. В душице главное что? Правильно, души в ней много. А то вы, люди, все суетитесь-суетитесь, всю голову себе всякой ерундой забиваете, а о душе и подумать некогда.

АЛЕКСЕЙ: Дурдом какой-то! Вы здесь главный?

БАРМЕН: Да.

АЛЕКСЕЙ: Значит, я сошел с ума.

БАРМЕН: Головой повредился, это точно. Но необратимых последствий пока нет. Состояние стабильное. Критическое.

АЛЕКСЕЙ: Что ты заладил: критическое, критическое? *(держится за голову)* Мне домой пора. Который час?

БАРМЕН: Время прекрасное. Время всегда принадлежит нам. То есть вам, людям. Бери – не хочу. Делай с ним, что душе угодно. Так нет же, работают сутками, работают, питаются в столовой или забегаловке какой-то. По утрам кофе третьесортный с булочкой. Совсем желудок не берегут. Детей заводить бояться. Еще рано. Еще не время. А время – вот оно, лежит на ладонях *(берет Алексея за руки, разворачивает ладонями к себе)*. А на линии ума у вас разрыв: травма головного мозга. Смертельная, между прочим.

АЛЕКСЕЙ: Так я что, умер?!

БАРМЕН: Нет еще. Ты, брат, в коме. На перепутье, так сказать. Направо пойдешь – выход найдешь. Налево – в свою жизнь вернешься. Прямо не ходи: это мое место, я здесь ра-

ботаю. У меня контракт еще не закончился. Рассчитываю на повышение. Шучу. Отсюда не повышают. Мы ж на перепутье.

АЛЕКСЕЙ: Вы шутите, да? *(смеется)* Разыгрываете меня! Вам заплатил кто-то! Или где-то скрытая камера! *(смеется)* Во дают! Такое придумать! *(смеется до истерики)*

Бармен берет сифон и окатывает Алексея струей из сифона. Потом протягивает ему полотенце вытереть мокрое лицо и одежду. Тот приходит в себя и успокаивается.

АЛЕКСЕЙ: Плохая у вас организация. Розыгрыш невеселый.

БАРМЕН: А вас никто не разыгрывает. Вы в коме. Операция прошла успешно. Но состояние тяжелое. Может произойти повторное кровоизлияние в мозг. Вам нужно успокоиться и определиться, в какую сторону идти. Туда или туда.

АЛЕКСЕЙ: Жизнь или смерть?

БАРМЕН: Да.

АЛЕКСЕЙ: Серьезно? Это не шутка?

БАРМЕН: Уже не до шуток. Давление скачет.

АЛЕКСЕЙ: Я чувствую.

БАРМЕН: Это хорошо. Плохо, когда человек уже ничего не чувствует, возвращаться не хочет, уйти не может, сидит тут у меня годами и хлещет горькую.

АЛЕКСЕЙ: Водку?

БАРМЕН: Ее самую. У меня такой ассортимент богатый, а они горькую пьют и пьют. Свобода выбора! Пока сердце не откажет.

АЛЕКСЕЙ: Печень?

БАРМЕН: И такое бывает. Пока сидит здесь, из пустого в порожнее переливает, органы по очереди отказывают, но последнее слово всегда за сердцем.

АЛЕКСЕЙ: Всегда?

БАРМЕН: Да. Столько овощей у меня здесь валялось, потом на носилках выносили. Как сердце отказывало. А в начале-то шанс вернуться почти у всех есть.

АЛЕКСЕЙ: А почему бар?

БАРМЕН: А почему нет? Тепло, сухо, уютно, напитков много. Никуда ходить, ездить не нужно. Это же кома. Жидкости гоняют по организму, а движения нет.

АЛЕКСЕЙ: А что там? *(показывает в сторону двери, за которой смерть)*

БАРМЕН: А ты какого вероисповедания?

АЛЕКСЕЙ: Христианин.

БАРМЕН: Значит, для тебя там рай или ад. А бар мой ты будешь чистилищем называть.

АЛЕКСЕЙ: А для других не так?

БАРМЕН: Конечно. Как там у вас говорится? По вере вашей да будет вам. У буддиста за той дверью новая жизнь.

АЛЕКСЕЙ: Может, мне в буддисты податься?

БАРМЕН: Можно. Ты эту жизнь ещё не закончил.

АЛЕКСЕЙ: Эта не получилась. Может, в другой раз повезет?

БАРМЕН: Тебе и в этот раз повезло. Ты просто этого не замечаешь. Давай я тебе сока виноградного налью. Или гранатового. Какой хочешь?

АЛЕКСЕЙ: У меня бабушка в детстве всегда так спрашивала? "Какой хочешь? Виноградный или гранатовый?" А я березовый сок выбирал. Потому что мама считала, что от кислого сока будет живот болеть, и поила меня березовым, консервированным, из большой трехлитровой банки. Или в кафе. Но там тоже из таких банок наливали.

БАРМЕН: Вот виноградный. Вот гранатовый. Пробуй. Выбирай. Живот болеть не будет. Я тебе обещаю.

Алексей пробует сок, с удовольствием выпивает.

АЛЕКСЕЙ: Мне оба понравились. Можно повторить?

БАРМЕН: Может, коктейль желаний?

АЛЕКСЕЙ: А в нем что?

БАРМЕН: А что пожелаешь! И яркие эмоции, и новые чувства, и смелость все изменить, и знакомство с девушкой, которую к себе в свою стерильную жизнь сможешь привести, и я сейчас не про больничную палату.

АЛЕКСЕЙ: И что, все это можно?

БАРМЕН: Можно. Даже нужно, я бы сказал, если бы кого-то интересовало мое мнение. Только давай так. Я тебе налью, ты попробуешь, а выпьешь все уже там, за дверью. Добро? *(протягивает ему бокал)*

АЛЕКСЕЙ: Спасибо! *(пробует)* Мммм, вкусно.

БАРМЕН: Это вкус твоей настоящей жизни.

Алексей, счастливый, уходит.

Эпизод 2. СОНЯ

В двери появляется девочка-подросток, застывает на месте, смотрит на бармена расширенными глазами.

СОНЯ: А где Пашка?

БАРМЕН: А вот и повышенный уровень сложности пожаловал.

СОНЯ: Где Пашка?

БАРМЕН: Я бы хотел сказать, что он побежал Скорую вызывать, но он просто... убежал. Испугался. Его тоже можно понять.

СОНЯ: Какую скорую? Зачем?

БАРМЕН: Сон для Сони под запретом. Ты, увы, не знала это.

СОНЯ: Вы кто вообще? Как здесь оказались? Где Пашка? Вы его отец?

БАРМЕН: Нет, девочка, я не его отец.

СОНЯ: Я вам не девочка! Кто вы?

БАРМЕН: Просто бармен. Минералки хочешь?

СОНЯ: Я не люблю минералку.

БАРМЕН: А какао любишь?

СОНЯ: Какао люблю. Но я с вами всё равно никуда не пойду. Ни за какао, ни за конфеты, ни за телефон последней модели! Вы маньяк-извращенец? Вы меня сюда притащили, чтобы убить?

БАРМЕН: Самая весёлая часть моей работы. Зачем же сразу «убить»?! Давай поговорим сначала. Чем вы там с Пашкой занимались? *(ставит перед девочкой чашку с ароматным какао)*.

СОНЯ: Да ничем особенным *(принюхивается к напитку)*. Он говорил, что прикольные ощущения будут. Что другие, дурачье, клей нюхают, таблетки глотают, а можно просто по-приседать, потом сделать несколько глубоких вдохов-выдохов, а потом шею полотенцем пережать – и ты в отключке и мультики разные смотришь. Так вы мой мультик, да? *(радостно смеётся)*

БАРМЕН: Можно и так сказать? А тебе что в компьютере мультиков недостаточно? В интернете какие хочешь можно найти.

СОНЯ: Да мне достаточно! Просто Пашка предложил. По приколу. Сказал, что ничего не будет. Мы в ТикТоке зависали, и у меня телефон разрядился, а он свой разбил давно. У него родаков нет, вернее, папка есть, но тот вечно где-то ходит, Пашку даже кормить забывает. Новый телефон покупать отказался. Мы сидели, не знали, чем заняться, ну он и предложил.

БАРМЕН: А почему в подвале?

СОНЯ: Так холодно на улице. Лужи. Пашка сказал, что я отключусь на несколько минут, свалюсь, а на асфальт мокрый или землю грязную падать не хотелось. Вот мы и спустились в подвал. Там воняет чем-то, но зато сухо.

БАРМЕН: А чего домой не пошли?

СОНЯ: Домой нельзя. Дома порядок. Мама помешана на чистоте. А у меня в комнате всегда бардак. Поэтому туда нельзя никого приводить. Потому что там не убрано. И в другие комнаты нельзя, потому что там убрано, а мы обязательно намусорим. Поэтому проще никого никуда не приводить.

БАРМЕН: А к Пашке в гости?

СОНЯ: А что у него дома делать? У него даже компьютера нет! А целоваться с ним я не хочу. У него зубы кривые. Это потому, что он вовремя молочные не вырвал, у него новые выросли абы как и теперь торчат в разные стороны. Вот я сейчас здесь с вами, а он небось там меня целует, пока я в отключке лежу.

БАРМЕН: Нет, Сонечка, не целует. Он понял, что ты не дышишь, испугался и убежал.

СОНЯ (*возмущённо*): Вот те мультик! Сразу заключительная серия! Тоже мне прикол! А обещал, что весело будет! Что-то мне ни разу не весело. А вдруг там крысы и они меня укусят, пока я на полу лежу?

БАРМЕН: Лучше бы укусили! Ты б тогда быстрее в себя пришла.

СОНЯ: А как это кино закончить?

БАРМЕН: Да всё просто! Выходишь в ту дверь, из которой пришла.

СОНЯ: Вон в ту, да?

БАРМЕН: Да.

СОНЯ: А эта дверь зачем? Это следующий уровень мультика?

БАРМЕН: Нет, это финал того мультика, который плохо заканчивается.

СОНЯ: Плохо – это как?

БАРМЕН: Это когда дышать перестают ни на несколько минут, а навсегда.

СОНЯ: Не, навсегда уже не прикольно.

БАРМЕН: Я с тобой согласен. Ты какао допила?

СОНЯ: Да, можно мне ещё?

БАРМЕН: Ты же домой собралась. Или тебя компания крыс привлекает?

СОНЯ: Нет, крыс я не люблю. Меня какао привлекает. У меня дома такого нет. Можно мне еще чашечку?

БАРМЕН: Чего ты врешь? У вас дома как раз такое какао и стоит в холодильнике, в консервной банке. Нужно только воду вскипятить и в чашку налить, да в воде пару ложек какао растворить. Или можно взять какао порошок, залить горячим молоком и сахара добавить. Так ещё вкуснее получится.

СОНЯ: Вам нужно на ютубе кулинарную передачу вести. Будете всем рассказывать, как вкусно готовить. А я не люблю готовить. Я люблю, чтобы мне кто-то еду готовил.

БАРМЕН: И какао заваривал?

СОНЯ: И чай. Вот мама всегда по вечерам заваривает па-

пе большую чашку чая. С каким-то чабрецом. Он у нас очень чабрец любит. И ест его, и пьёт. Словом, фанат чабреца. А по утрам он маме кофе варит. Специально в зёрнах покупает, сам мелет и в специальной штуке с ручкой каждое утро заваривает. Сыпет туда чего-то, специй каких-то. И в блюдечко мёд наливает. Мама с сахаром кофе не пьёт. Ей мёд подавай. А мне даже чашку какао заварить не хочет. Говорит: «Возьми и сделай себе сама, ты же не маленькая!». Я ей говорю: «Ты же тоже не маленькая. Можешь и сама себе кофе заварить, а тебе папа его варит». «Так это проявление любви», – отвечает мне она. Нормально, да? У них, значит, проявление любви, а я так, просто сбоку постоять могу. Чего на меня усилия свои тратить?

БАРМЕН: И ты на них обиделась?

СОНЯ: Нет! Где моё какао? Давайте одну чашку, и я отсюда пойду. Вон в ту дверь пойду. Пусть потом помучаются, вспомнят, что у них дочка была, и не самая плохая. А теперь нет – плачьте, хоть обрыдайтесь! *(бежит в дверь, которая ведет в смерть)*

БАРМЕН *(останавливает её, схватив за плечи)*: Ты их за какао наказать хочешь?

СОНЯ: Нет! За всё на свете! Они меня к Машке на ночёвку не пустили! Кроссы не те купили! Они целуются прям взасос, а мне говорят, что с мальчиками встречаться рано. И пыхтят по ночам. Совсем уже! Ненавижу их! Зачем они детей рожают, а потом?... Если я им не нужна, чего мне тор-

чать с ними рядом?! Вон, даже Пашка убежал, бросил меня в подвале. А я думала, что нравлюсь ему. Что целоваться полезет, а он взял куртку, скрутил и придавил меня к стене за шею! Я даже испугаться не успела – сразу сюда попала.

БАРМЕН: Пашка засранец, конечно!

СОНЯ: Ещё какой! Далеко он убежал? Может, вернулся уже? И мне пора в себя приходиться!

БАРМЕН: Нет, Сонечка, не вернулся.

СОНЯ (*срывается с места*): Вот пусть им всем хуже будет! (*бежит к двери, за которой смерть*)

БАРМЕН: А день рождения у тебя когда?

СОНЯ (*остановившись у самой двери*): В марте. А что?

БАРМЕН: Так это же совсем скоро! Ты уже придумала, как отмечать будешь?

СОНЯ: Папа обещал, что мы в боулинг пойдём. И ребят с класса пригласить можно будет.

БАРМЕН: А ты любишь боулинг?

СОНЯ: Очень! Я лучше всех кегли сбиваю! Лучше меня только у папы получается, но он обещал в мой день рождения не играть, чтоб меня не расстраивать.

БАРМЕН: Надо же! А в прошлом году твой день рождения праздновали?

СОНЯ: Да! Мы за город ездили, на лошадях кататься. А потом я с подружками ходила в развлекательный центр, и мы там ели вкусную пиццу!

БАРМЕН: А Пашка был с вами?

СОНЯ: Нет, конечно! Там же были одни девочки!

БАРМЕН: Понятно. И такие праздники у тебя только раз в год бывают?

СОНЯ: Такие, чтоб с подарками, да. Но мы и просто так в боулинг ходим. И в кино. И на карусели. Только на лошадях больше не катались, но я больше на роликах кататься люблю. У меня мама классно катается. Она меня научила разворачиваться. А когда я упала, несла меня домой на руках, потому что я колено разбила и идти не могла.

БАРМЕН: Странное дело.

СОНЯ: Что здесь странного?

БАРМЕН: Ты же говоришь, что родители тебя не любят и ты им не нужна, а они тебя зачем-то на руках носят и праздники устраивают. Или тебе нужно колено разбить, чтоб тебя на руки взяли?

СОНЯ: Да нет. Папа меня иногда носит на руках. А еще я к нему на спину запрыгиваю. Мы так балуемся. Знаете, мы с ним здорово гримасничаем! Мама называет нас "две обезьяны". Но это она так шутит.

БАРМЕН: Веселые у тебя родители.

СОНЯ: Да они вообще нормальные такие. Не то, что у Пашки. Его мама куда-то в другую страну на заработки уехала и не вернулась. То ли убили ее, то ли другую семью себе завела. Пашкин папка на трех работах работает, но все равно

мало получает. Это как-то странно, правда?

БАРМЕН: Что странно?

СОНЯ: Когда человек много работает, а денег все равно мало. Я так не хочу. Мне нужно такую профессию найти, чтоб мало работать и много зарабатывать. Так бывает?

БАРМЕН: Бывает.

СОНЯ: Вот и мне так надо.

БАРМЕН: А зачем?

СОНЯ: Чтоб на жизнь время оставалось! Чтоб с друзьями встречаться, в кино чаще ходить, чтоб другу новый телефон купить, если он свой разбил и позвонить тебе не может. И Скорую вызвать, когда ты в подвале на полу лежишь.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ: Соня! Соня!

БАРМЕН: Кажется, это Пашка вернулся. С кем-то из взрослых.

СОНЯ: Тогда мне пора! Спасибо за какао! *(убегает)*

БАРМЕН: На здоровье!

Эпизод 3.

ФРЕДЕРИКА.

Прямо из дверей Бармену практически в руки падает женщина с неестественно скрюченным телом. Ей тяжело идти и слова даются с трудом.

БАРМЕН: Как же тебя скрутило!

Пытается усадить Фриду на стул. Получается не с первого раза.

ФРИДА: Почему я здесь?

БАРМЕН: Почему ты здесь? Дай гляну. Тонула. Вода холодная. Когда вытаскивали из воды, ударилась головой. Может, откачают.

ФРИДА: Я не умерла?

БАРМЕН: Пока нет. Как и два года назад в аварии.

ФРИДА: Это я в курсе. Лучше б умерла. А ты кто такой всезнающий? Бог, что ли?

БАРМЕН: Заместитель. Ты здесь временно, пока мозг ещё работает.

ФРИДА: Я себе всё иначе представляла. Думала: раз – и всё. Лёгкие жгло страшно, а теперь ещё ты тут волюнку тянешь.

БАРМЕН: Налить тебе чего-нибудь? Согревающего? Вода же холодная была.

ФРИДА: А здесь ещё и наливают? Мне на выход нужно. Где здесь выход?

БАРМЕН: Дверь слева – жизнь. Справа – смерть.

Фредерика встает со стула и яростно ковыляет к правой двери.

БАРМЕН: Вот так сразу? А подумать? А горячего шоколада выпить?

ФРЕДЕРИКА (*останавливается и удивленно смотрит на бармена*): Шоколада?

БАРМЕН: Да ничего удивительного. Я много чего про своих посетителей знаю.

ФРИДА: Ты же всего лишь заместитель.

БАРМЕН: У меня тоже свои каналы информации есть.

ФРИДА: И что ты про меня знаешь?

БАРМЕН: Имя у тебя красивое – Фредерика.

ФРИДА: Да, папа у меня оригинал, выбрал имечко. Спасибо ему.

БАРМЕН: В детстве и юности тебя звали Фреда, Фредди, кто-то просто Фри. Потом на работе – Фредерика Александровна. А сейчас ты всем говоришь, что тебя зовут Фрида.

ФРИДА: Да, ты прав. Была такая художница – Фрида Калло. Она тоже попала в аварию, получила множественные переломы позвоночника, ключицы, рёбер, таза, костей ног.

БАРМЕН: Почти как ты.

ФРИДА: Да, только я рисовать не умею. Мне в таком виде на земле топтаться незачем. Пойду я? (*идёт к двери, по-*

том останавливается, оборачивается) А что ты ещё обо мне знаешь?

БАРМЕН: Да так, общие сведения. До аварии ты была успешной красавицей, при деньгах. Отец бизнесмен, к делу тебя приобщил. Обещал сделать партнером или заместителем, а до этого поручил руководить филиалом большой фирмы. Ты любишь ездить на дорогих автомобилях. До сих пор. В ночных гонках участвовала. Два года назад разбилась. По кусочкам тебя собрали, но ты не рада. Тонула нарочно. Жизни такой не хочешь.

ФРИДА: Не хочу! *(снова бросается к двери справа)*

БАРМЕН: А горячего шоколада? Хочешь?

Фредерика снова останавливается, медленно поворачивается, долго смотрит на Бармена.

ФРИДА: Напоследок? Как воспоминание об ушедшей жизни? Хочу! *(возвращается к барной стойке)*

БАРМЕН: Сейчас приготовлю. А ты на мосту была одна или с друзьями?

ФРИДА: С друзьями.

БАРМЕН: А задержалась зачем? Почему они тебя одну оставили?

ФРИДА: Я их обманула. Сказала, что хочу загадать желание и бросить монету в реку. Что хочу бросить с монетой себя саму, не сказала. Они же не знали, что у меня осталось только одно это желание. Подождала, когда они с моста спу-

стилились, и....

БАРМЕН: Там еще среди них парень был, да? Интересный такой.

ФРИДА: Дима? Какой же он парень? Ему давно за тридцать.

БАРМЕН: Нравится он тебе, да? Волонтером при вашем фонде работает.

ФРИДА: Ты и про фонд знаешь? И про Диму! Хороший из тебя заместитель. Главный тобой доволен?

БАРМЕН: Я справляюсь.

ФРИДА: А вот я нет. Отец специально учредил фонд помощи таким как я, и меня руководителем назначил. Так сказать, поставил во главу угла моё восстановление. Это он так думал. А сам просто меня в угол поставил. Вот тебе наказание за совершенные ошибки, выкарабкивайся теперь и других выкарабкивай. А я больше не хочу. Два года в этом углу простояла, ничего и никого, кроме таких же калек, не видела. Не хочу больше.

БАРМЕН (*протягивает чашку с горячим шоколадом*): Вот твой горячий шоколад.

ФРИДА: Спасибо. Какая чашка красивая. У моей бабушки был сервиз с точно такими чашками. (*отпивает*) Вкусно. Что-то мне напоминает.

БАРМЕН: Что же?

ФРИДА: У нас в городе есть кофейня, в которую мы люби-

ли семьёй ходить. Там всегда было так уютно и вкусно пахло шоколадом. Мы туда каждые выходные ходили. Потом раз в месяц старались. Потом раз в год, но обязательно собирались. На день моего рождения. Но в прошлом году я туда идти отказалась. И завтра бы тоже не пошла. Ребята из фонда предложили сходить завтра отметить куда-нибудь. Я отказалась. Но желание загадала. И оно сбылось. Вот монета. Фриды больше нет.

БАРМЕН: Это странно.

ФРИДА: Что странно?

БАРМЕН: Мужчина признаётся женщине в любви накануне дня её рождения, а она после этого с моста в реку. Разве это логично?

ФРИДА: Ты и про это знаешь? Хорошие у тебя работают информаторы. А ты знаешь, что такое быть красивой, сильной, успешной, обольстительной, бесстрашной и дерзкой, играющей в рулетку со смертью, несущейся с бешеной скоростью по магистрали и вдруг разлететься на мелкие кусочки зеркала? Оно что-то показывает, но только осколками, и эти осколки в тебе – болят. И люди! Смотрят на тебя с жалостью. И уже нет восхищения, нет любования, любви и страсти нет. Только жалость. Бентли мой был похож на смятую и вскрытую консервную банку. Машина несколько раз перевернулась и в здание угловое вошла. Достать меня из неё было нелегко. Отец потом обломки на свалку отправил. И не знал, что я так и осталась там, за рулём, и теперь

тоже на свалке. А в Диму я влюбилась. Как дура. Я даже забывать стала, что на мне живого места нет. Потому что вот здесь (*показывает на сердце*) что-то живое проснулось. Что-то настоящее.

БАРМЕН: Тогда почему? Он же сказал, что любит.

ФРИДА: Да, сказал. Назвал меня Фредерикой. Я уже и забывать стала своё настоящее имя. Он меня поцеловал. У него в глазах было столько любви. И нежности. Мы сидели на скамье. Кто-то из ребят из фонда к нам подбежал и сфотографировал. Женька, кажется. Смеялся, говорил: «Гляньте, как вы здорово смотрите вместе». Показал мне снимок на телефоне. И я увидела рядом с Димой кого-то страшного, с перекошенным, но счастливым лицом. Я два года не видела своих снимков. Я убрала все зеркала дома и в офисе. Я почти забыла, какой была до аварии. Я научилась не думать о том, какой стала. И вдруг этот снимок. Женька у нас недавно. Он, наверно, не знал, что я не фотографируюсь. Спасибо тебе, Женька.

БАРМЕН: За что спасибо?

ФРИДА: Дима – хороший человек. Нельзя, чтобы с ним рядом был такой монстр. Это ведь не сказка, в которой от любви чудовище превращается в прекрасную принцессу. Это жизнь. И она мне такая не нужна. Спасибо за шоколад. Было вкусно.

БАРМЕН: Может, повторить?

ФРИДА: Всё самое лучшее повторить нельзя. И послед-

нюю чашку шоколада тоже.

БАРМЕН: Можно не делать её последней. Можно сходить в кофейню с мамой. Она ведь тоже горячий шоколад любит.

ФРИДА: Любит.

БАРМЕН: И тоже больше не пьет его. Без тебя – не пьет. А ты с ней в кафе ходить не хочешь.

ФРИДА: Не хочу, чтобы им было стыдно.

БАРМЕН: Нет, Фридерика, им не стыдно. Им больно.

ФРИДА (*кричит*): Да что ты знаешь про боль?! Это мне больно! Невыносимо больно! Каждый миг! И в душе, и в теле! И это не проходит! Я хочу это закончить! (*берется за ручку двери*)

БАРМЕН: Правильно! Иди. Боль закончится. Ты превратишься в воздух. Растворишься, растаешь. Так ты себе это представляешь? Всё так и будет.

Завтра, в день твоего рождения, никто не пойдёт в кофейню праздновать. Но тебе-то разницы уже нет. Ты решение приняла. Ты монету бросила. Но два года назад ты осталась жива. И сумела помочь людям. Твоя внешняя красота ушла, но проявилась красота иная, и смелость быть собой, и умение вести за собой других. И пока ты идёшь вперед, на тебя смотрят с восхищением. И любят. Вот тебе ещё горячий шоколад. Повторить счастливые моменты нельзя, но можно создать новые. И фотографироваться необязательно.

ФРИДА: А кто вытащил меня из воды?

БАРМЕН: Дима. Он сейчас рядом и молится главному.

ФРИДА: И как, главный поможет?

БАРМЕН: Это от тебя зависит.

ФРИДА (*вставая*): Пожалуй, я пойду.

БАРМЕН: Да, уже пора. Мозг не может долго без кислорода.

ФРИДА: Тогда мне лучше поторопиться. Только я шоколад выпить не успела.

БАРМЕН: Кафе ещё не закрылось. Тебя проводить?

ФРИДА: Нет, я сама!

(ковыляет к двери слева и уходит)

Эпизод 4.

АГРАФЕНА

Начинает мигать свет и звучать странная дерганная музыка.

БАРМЕН: Опять она! Только не это!

Из двери появляется танцующая ломаные танцы молодая женщина.

БАРМЕН: Что ты на этот раз принимала?

АГРАФЕНА (*продолжая танцевать*): Ты забыл, здесь вопросы тебе задаю я.

БАРМЕН: Надеюсь, действие твоих галлюциногенов будет недолгим.

АГРАФЕНА (*продолжая танцевать*): Галлюциногены в прошлом. Это плохой транспорт. Доставляет не по указанному адресу, а куда сам хочет. А мне ведь нужно только к

тебе. Итак, сегодня у нас на повестке дня...

БАРМЕН: Аграфена, умоляю. На, морсика выпей. Клюквенный, свежий. Не из замороженных ягод. Я сам собирал, вот этими руками. Для тебя родимой.

АГРАФЕНА (*продолжая танцевать*): Заливаешь!

БАРМЕН: Наливаю.

АГРАФЕНА (*продолжая танцевать*): Ладно, морс выпью. Морс клюквенный я люблю. Освежает, знаешь ли. Ты здесь без меня тосковал?

БАРМЕН: Очень! Просто места себе не находил. Кореш твой недавно у меня был. С неделку назад. Пару часов всего продержался. Не спасли. Но про тебя много чего успел рассказать.

АГРАФЕНА: Ты же знаешь, проявления брэнного тела меня не очень-то волнуют. Так, срок отбываю. Я главное хочу знать. Разобраться хочу. А ты меня разговорами ни о чём отвлекаешь. Давай ближе к делу. Итак, дело номер триста шестьдесят пять дробь один. Почему в феврале всегда так тоскливо? Особенно в наших широтах. Почему то чернила плачут, то обугленные грачи с веток валяются?

БАРМЕН: Аграфеночка, милая, это всё твоя больная фантазия. Наглоталась таблеток опять, вот и привиделось.

АГРАФЕНА: Это не мне привиделось. Не моя фантазия. Это Борис Пастернак! Ты что, не знал?

БАРМЕН: У меня другая профессия. Я не должен знать наизусть все стихи всех поэтов. И ты, помнится, в прошлом

феврале мне его уже цитировала, но там как-то по-другому всё было.

АГРАФЕНА:

Так ведь это в прошлом феврале было. А теперь этот. И удавиться хочется также сильно.

БАРМЕН: Да я вижу, что ты всё давишься, давишься, никак не удавишься. А зачем тебе всё это? Переборщишь однажды, может, даже зайти ко мне не успеешь, сразу туда (*показывает на дверь, за которой смерть*). Что у тебя там?

АГРАФЕНА: У меня там пустота. (*пауза*) Поэтому я хочу остаться здесь. Понимаешь? Здесь с тобой. Ты не думай, я в тебя не влюбилась. Я же понимаю, что ты и не мужик вовсе. Мне это в тебе даже нравится. Нет, не то, что ты не мужик, а то, что ты смотришь на меня и видишь не бабу, а душу. Может, ты единственный, кто так на меня смотрит. Красивая?

БАРМЕН: Кто?

АГРАФЕНА: Душа моя!

БАРМЕН: Очень.

АГРАФЕНА: Спасибо! А теперь вернемся к делу. Итак, почему кому-то дается шанс посидеть у тебя в баре, поболтать, выпить чего-то прохладительного или согревающего, а кому-то не даётся?

БАРМЕН: Это не в моей юрисдикции. Я только принимаю, а как сюда попасть, не знаю.

АГРАФЕНА: Хорошо. Следующий вопрос. В твою задачу входит уговорить человека вернуться к своей жизни?

БАРМЕН: Нет. Я просто помогаю ему принять решение.

АГРАФЕНА: Принять правильное решение?

БАРМЕН: Нет, просто решение. Возвращаться или не возвращаться, как жить дальше, с кем, для чего. Кому-то нужно попасть сюда, чтобы всё стало на свои места там. Кому-то и это не помогает. И я не помогаю. Злю только. Не потому, что я специально человека злю, а потому, что он только злиться и умеет. Все остальные человеческие чувства атрофированы. Не тренировал мышцу радости – и она усохла. Счастливым быть разучился – и всё! Всё раздражает.

АГРАФЕНА: Тебе работа твоя нравится?

БАРМЕН: Аграфена, тебе не надоело? Ты каждый раз меня об этом спрашиваешь.

АГРАФЕНА: Да, и ты научился давать разные ответы на этот вопрос. Знаешь, как это интересно: вопрос один, а ответы всегда разные. Так нравится?

БАРМЕН: Сегодня, до твоего прихода, меня всё устраивало.

АГРАФЕНА: Значит, хорошо, что я пришла. Когда человек всем доволен, он уже и не человек вовсе.

БАРМЕН: Так я и не человек.

АГРАФЕНА: Ты себя в зеркало видел?

БАРМЕН: Допустим.

АГРАФЕНА: Вот, вполне себе человек.

БАРМЕН: Это только визуальная оболочка. Чтобы вам легче было со мной общаться.

АГРАФЕНА: А котикам и собачкам ты в каком виде являешься? Зайчиком или грозным тигром?

БАРМЕН: У них всё проще. Им посредники не нужны. Проводники тоже.

АГРАФЕНА: Да? Как интересно! А расскажи подробней, как там у них всё устроено?

БАРМЕН: К котикам и собачкам захотелось?

АГРАФЕНА: Нет, я хочу на твоё место.

БАРМЕН: Ну, вот опять! Я же тебе объяснял, что так нельзя. Что порядок у нас такой: я здесь, а ты там.

АГРАФЕНА: Столько лет тебя знаю, а ты всё такой же зануда.

БАРМЕН: Два года всего.

АГРАФЕНА: А ты запомнил, да? Мне приятно. Слушай... А у тебя с кем-нибудь такие же отношения есть?

БАРМЕН: Какие «такие»?

АГРАФЕНА: Ну, чтоб вот так, приходила к тебе. Время от времени.

БАРМЕН: Дурацкое выражение. Что значит «время от времени»? Дом от дома, весна от весны. Разве так говорят?

АГРАФЕНА: Ты мне зубы не заговаривай. Ты мне прямо скажи: есть кто, ходит к тебе, навещает, передачи носит?

БАРМЕН: Аграфена, послушай. Есть, конечно, экземпляры, которые попадают ко мне несколько раз прежде, чем вон за ту дверку навсегда выйти. Но они для этого порошки и пилюли не глотают. Они это не нарочно. Вот так пять раз в

год только ты сюда шастаешь.

АГРАФЕНА: Дай за стойкой постоять. Я же у тебя одна такая. Мне можно. Я никому не скажу. Это не будет нарушением. Это в исследовательских целях. Ты же знаешь, что я не отстану. Что мне лучше уступить. А то петь начну. Готов к пыткам? *(поёт)*

БАРМЕН: Достаточно!

АГРАФЕНА: За стойку пусти! А то я песен много знаю!

БАРМЕН: Это шантаж!

АГРАФЕНА: Он самый. *(поёт)*

БАРМЕН: Пять минут. Не больше!

АГРАФЕНА *(переходит за стойку)*: Мне и пяти хватит.

А ты иди, на стул садись.

БАРМЕН: Зачем это?

АГРАФЕНА: А побудь на моем месте. Может, сговорчивей станешь. Что тебе предложить? Чего у тебя тут есть? Оно откуда появляется? О, волшебный шкафчик!!!

БАРМЕН: Я тебя за стойку пустил? Пустил. Всех секретов ремесла я тебе рассказывать не обязан. И не вздумай петь!

АГРАФЕНА: Ладно, расскажи о себе. Какие посетители тебе нравятся?

БАРМЕН: Это человеческое понятие: нравится, не нравится. Нам, барменам, в работе это только мешает. Никаких оценок, никаких чувств. Это просто работа. Никакого личного отношения. Чтобы не было соблазна влиять на человека.

АГРАФЕНА: Так ты не влияешь?

БАРМЕН: Конечно, нет.

АГРАФЕНА: А помнишь наш первый раз? Ты мне сказал, что меня там, за дверью, ждет интересная жизнь. Налил мне чего-то, бодрящего. Аж до костей пробрало. А еще ты мне тогда сказал, что вернуться сюда я всегда успею, а ты будешь на месте. Словом, сказал, что будешь меня ждать.

БАРМЕН: Этого я не говорил. Это ты сама уже додумала.

АГРАФЕНА: А что? Я смышленная. Могу и додумать. Со мной никогда никто так не разговаривал.

БАРМЕН: Это плохо, конечно. Но странно другое. То, что ты разговор наш запомнила.

АГРАФЕНА: А я думала, что это просто сон. Я все свои сны записываю. У меня около кровати на тумбочке записная книжка лежит. Я про тебя всё-всё записала. А потом сопоставила, как и после чего мне этот сон приснился, и решила повторить. Так что тебе налить?

БАРМЕН: Я не пью.

АГРАФЕНА: Вы все так говорите.

БАРМЕН: Я, правда, не пью. Могу сделать вид, что пью и глотаю. Но это только вид.

АГРАФЕНА: Вот и притворись. Один разочек. Для меня. Чего тебе самому хочется?

БАРМЕН: Простоты. Эликсира простоты.

АГРАФЕНА: А где он у тебя такой?

БАРМЕН: Нет такого. Всё поставляют, а его нет. Раньше

ОН БЫЛ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МАЛЕНЬКИХ КОЛИЧЕСТВАХ, БУКВАЛЬНО НЕСКОЛЬКО КАПЕЛЬ. Но и их хватало: добавишь на бочку вина – и действует. Крепкий. Концентрированный напиток. Сейчас в дефиците.

АГРАФЕНА: А почему?

БАРМЕН: А любите вы, люди, всё усложнять. В самом простом, очевидном даже, всегда найдете сложности. Всегда ищите виноватого. Всегда хотите опереться на кого-то другого. Лишь бы самому ни за что не отвечать.

АГРАФЕНА: И что, все такие?

БАРМЕН: Не все. Но многие.

АГРАФЕНА: И я?

БАРМЕН: И ты.

Аграфена закрывает рот рукой, сгибается пополам за барной стойкой.

БАРМЕН: Тебе плохо?

АГРАФЕНА: Тошнит сильно. Организм, зараза, защищается. А так хотелось с тобой здесь задержаться.

БАРМЕН: Иди присядь.

Выводит Аграфену из-за стойки, садит на стул. Сам садится рядом.

БАРМЕН: Ну, как? Лучше.

АГРАФЕНА: Отпустило немного. Не хочется уходить. Хорошо тут с тобой. Кто бы мог подумать: мой идеал мужчины – бармен! Призрачный бармен.

БАРМЕН: А ты лучше там (*указывает на дверь*) себе на-

стоящего бармена найди, нормального.

АГРАФЕНА: Я нормального не хочу.

БАРМЕН: Так с придурью найди. Как ты сама. Наверняка, где-то есть такой. Что у вас в городе баров, что ли, мало?

АГРАФЕНА: Баров хватает. Бармена такого, как ты, нет. Я проверяла.

БАРМЕН: Тогда к психологу сходи.

АГРАФЕНА: И среди них тебя нет. Никто не знает ответов на вопросы. Даже когда думает, что знает.

БАРМЕН: Я тоже не на все вопросы знаю ответы. (*возвращается за стойку*)

АГРАФЕНА: И это твой плюс. Ты не знаешь и спокойно живешь с этим. Я без ответов на свои вопросы спокойно жить не могу. Так блевать хочется.

БАРМЕН (*ставит перед Аграфеной стакан*): Сок лимона и мята.

АГРАФЕНА: Спасибо! (*выпивает*) Можно я тебя поцелую?

БАРМЕН: Нет. Тебя же тошнит.

АГРАФЕНА: Ах да, точно. Уже совсем тяжело. Я, пожалуйста, за дверку отойду.

БАРМЕН: Иди, милая, иди.

АГРАФЕНА: Но я ещё вернусь.

БАРМЕН. Не торопись. У меня здесь и таклюдно.

АГРАФЕНА: Ты ждешь меня будешь?

БАРМЕН: Я тебя уже жду – там (*указывает за дверь*).

Найди меня в своей жизни. Я буду иначе выглядеть и никогда не признаюсь, что это я. Ты меня узнаешь не сразу. Внимательней смотри. К себе прислушивайся. Таблетки глотать перестань, пожалуйста, Фенечка.

АГРАФЕНА: Фенечка (*нараспев*). Меня мама так называла. Раньше. В детстве. Сейчас видеть меня не может. Говорит, что ей больно на меня смотреть. Ей не нравится, во что я превратилась. А я себя ищу.

БАРМЕН: Давай так. Вот тебе ещё лимончик с мятой. Не будь такой помятой. Ты же хорошая девочка, талантливая, красивая. И люди тебя окружают хорошие, любят тебя, беспокоятся.

АГРАФЕНА: Никто обо мне не беспокоится. Только ты один.

БАРМЕН: А это неправда. Ты просто в подзорную трубу смотришь, всё в звезды всматриваешься, а того, что рядом с тобой, не видишь. Бросай это дело. Я всегда на месте. А ты там по сторонам осмотришь. Я тебя жду. Там. Сюда больше не приходи. Нельзя же всю жизнь только на потусторонние свидания бегать. Нормально пожить хочется. Всё, иди. Уже зеленая совсем.

АГРАФЕНА: Спасибо, что ты у меня есть.

БАРМЕН: Танцевать не забывай.

АГРАФЕНА (*танцует ломаные движения*): За мной не заржавеет. Жду встречи!

Уходит.

Эпизод 5.

АЛЕКСАНДР и ЕКАТЕРИНА

Открывается дверь. Из нее появляется супружеская пара: мужчина и женщина крепко обнимают друг друга. Долго стоят так, зажмурив глаза. Бармен смотрит на них, ждет, когда они откроют глаза, заметят его. Но они не замечают. Стоят, не размыкая объятий. Тогда он сам подходит к ним, дотрагивается до плеч. Александр и Екатерина вздрагивают. Видят его, удивляются, пугаются, осматриваются.

БАРМЕН: Вы понимаете меня? Читаете по губам?

ЕКАТЕРИНА (*дублирует слова жестами*): Да. Что случилось?

БАРМЕН: Произошёл взрыв. Террористы захватили автобус. Не в лучший час вы поехали на экскурсию.

ЕКАТЕРИНА (*дублирует слова жестами*): Ах да, экскурсия.

АЛЕКСАНДР (*дублирует слова жестами*): Как мы здесь оказались?

БАРМЕН: Да как все. Телепортация. Шах – и ты в удобном стуле за барной стойкой. Проходите, садитесь. Что вам налить?

ЕКАТЕРИНА (*дублирует слова жестами*): Сладкий ли-

кер, если можно.

БАРМЕН: Здесь можно всё!

АЛЕКСАНДР (*дублирует слова жестами*): Всё? А шотландский виски у вас есть?

БАРМЕН: Конечно! Вот ваш ликёр, Екатерина, и ваш виски, Александр.

АЛЕКСАНДР (*дублирует слова жестами*): Вот чудеса! Даже имена наши знает! Что ж это за место такое?

Катерина и Александр выпивают напитки.

БАРМЕН: Чудесное место.

ЕКАТЕРИНА: Вы сказали «чудесное»?

БАРМЕН: Да.

ЕКАТЕРИНА: Вы сказали, а я вас услышала. Это невероятно!

АЛЕКСАНДР: А я слышу вас двоих. Чертовщина какая-то! Это всё правда?

БАРМЕН: Конечно, правда. Мои напитки творят чудеса. Но только здесь. Там за дверью действие напитков проходит.

АЛЕКСАНДР: Это сон!

БАРМЕН: Это не совсем сон, но вы сейчас без сознания. Это верно.

ЕКАТЕРИНА (*подходит к двери*): Что за этой дверью?

БАРМЕН: Ваша прежняя жизнь.

АЛЕКСАНДР (*подходит к жене, уводит её от двери*): Нам туда не надо. Я тебя слышу! Как это прекрасно!

ЕКАТЕРИНА: Я тебя тоже слышу, но это не прекрасно.

Это всё подозрительно. Что здесь происходит?

БАРМЕН: Понимаете...

АЛЕКСАНДР: Виртуальная реальность! Новые технологии! Аватар! Я слышу твой голос! А ты мой! Мы обычные люди! Мечта сбылась!

ЕКАТЕРИНА: А ты мечтал только об этом?

АЛЕКСАНДР: Нет, конечно! Я о многом мечтал. О семье, о детях, о карьере. О собственном доме. Так всё это у меня уже есть!

ЕКАТЕРИНА: А в бесплатном баре навсегда застрять ты тоже мечтал?

АЛЕКСАНДР: На пару часиков зависнуть – может быть.

ЕКАТЕРИНА: А я нет. *(бармену)* Так, уважаемый, выпустите нас отсюда. Моему мужу крепкие напитки пить нельзя, у него сердце.

АЛЕКСАНДР: Да, у меня сердце! И оно громко бьётся мне в виски! Жизнь хороша! *(вальсирует по бару и напевает что-то)*

ЕКАТЕРИНА *(бармену)*: Что вы с ним сделали? Верните мне моего мужа?

БАРМЕН: Он весь ваш. Только ваш. Уже много лет! Успокойтесь. Вот, у меня для вас есть прекрасный чай с чередой.

ЕКАТЕРИНА: С чередой?

БАРМЕН: Да. Очень горячий, как вы любите.

ЕКАТЕРИНА: А откуда вы знаете, как я люблю?

БАРМЕН: Работа такая. Я про своих посетителей много

чего знаю.

ЕКАТЕРИНА: Например? (*Александрю*) Саша, перестань кружиться и сядь рядом. Послушай. Ты должен это услышать.

АЛЕКСАНДР: Услышать! Какое прекрасное слово!

ЕКАТЕРИНА: Что ты как ребенок?! Сядь, говорю. (*бармену*) Продолжайте, уважаемый. Что вам там про нас известно?

БАРМЕН: Ваш чай. Очень сладкий. (*ставит чашку перед Екатериной*)

ЕКАТЕРИНА: Прекрасно. Спасибо. Не отвлекайтесь. Откуда вы всё о нас знаете?

БАРМЕН: Вы читаете по губам, а я читаю по лицам.

АЛЕКСАНДР: Вот! Новые технологии! Сканирует, распознаёт, информацию выдаёт!

БАРМЕН: Почти так. Екатерина, не смотрите на меня так сурово. Я вам скорее друг, чем враг. У вас чай остывает, а тёплый вы пить не любите.

ЕКАТЕРИНА: Не люблю, да. Но с чередой чая давно не пила. Мне мама такой в детстве заваривала. Травы сама собирала и поила меня. Это было в другой жизни. И я тогда была совсем другая. Это было счастливое, беззаботное время. И я тогда не боялась жить. Я тогда ничего не боялась.

АЛЕКСАНДР: А чего ты сейчас боишься, Катенька? Ты же со мной!

ЕКАТЕРИНА: Жизнь полна опасностей. Можно заболеть на ровном месте, заработать себе осложнение и потерять самое главное. У меня ведь был такой голос. Меня в консерваторию брали. И вдруг такое. Два года борьбы, столько лекарств, несколько операций, и всё напрасно. Это так мучительно. Вся жизнь наперекосяк.

БАРМЕН: Мама ваша так не считала.

ЕКАТЕРИНА: Да, мама всегда говорила: «Пусть жизнь идёт своим чередом, а ты всему радуйся». Смотрела на меня, плакала и учила меня радоваться. Читать по губам и радоваться.

АЛЕКСАНДР: Правильно учила! Мировая у меня тёща! Такие борщи варит! Объедение! Так вы про меня что-нибудь скажете? Что вам там на сканере показали?

БАРМЕН: Вы, Александр, в обычной жизни человек строгий. Вы прекрасный архитектор. Вы умеете проводить четкие линии, соединять разрозненное, но стгоряча можете и разрушить все до основания. Учеба далась вам нелегко, занять своё место в профессии, доказать, что вы не хуже других, удалось не сразу, поэтому безалаберного отношения к делу не прощаете. Но дома вы заботливый муж и ласковый отец. И собаку, которую дети с улицы домой принесли, нашли вы. На автобусной остановке. Принесли к себе, во дворе под лавкой оставили, покормили. Два часа придумывали, как уговорить Екатерину, а тут дети собаку заметили и в дом принесли.

ЕКАТЕРИНА: Ах, вот почему она тебя больше всех любит. Я её кормлю-кормлю, а радуется она всегда именно тебе.

БАРМЕН: Потому что он её конфетами подкармливает. Знает, что вы, Екатерина, очень любите сладкое, постоянно покупает вам то печенье, то конфеты, то зефир, и Найду вашу сладким угощает.

ЕКАТЕРИНА: Так собакам же сладкое нельзя!

АЛЕКСАНДР: Иногда можно!

ЕКАТЕРИНА: Вот что за человек?! Всегда со мной спорит!

АЛЕКСАНДР (*бармену*): Ещё что-нибудь про нас расскажи.

БАРМЕН: Вы, Александр, любите крепкий чай и непременно без сахара, потому что считаете, что сладость жизни нужно находить в другом. А напитки должны быть крепкими, как мужская дружба, узы брака и стены ваших сооружений. Я с вами полностью согласен. Вот и Екатерина вас поддерживает, но чай без трех ложек сахара пить не может. Очень любит сладкое. Умеет наслаждаться жизнью. Поэтому и в путешествие это вас уговорила поехать. Очень предприимчивая женщина. Целую оранжерею на участке организовала, цветы выращивает и продаёт. Пишет статьи в журналы по цветоводству. И круглый год у вас в доме стоят живые цветы.

ЕКАТЕРИНА: За которыми, между прочим, ухаживать нужно. Сколько вы будете нас здесь держать?

БАРМЕН: Да я вас и не держу. Это вы сами держите друг друга. Вас еще даже не нашли. Ищут. Скоро обнаружат. Кро-
вопотери серьезные. Лучше бы очнуться, оказать помощь
друг другу. Или дать знать, что вы еще живы.

ЕКАТЕРИНА: Я бы с радостью. Где у вас телефон? Отсю-
да можно позвонить?

БАРМЕН: Нет, здесь нет телефона. Есть только радио.
Можно услышать сигналы из вашего мира.

АЛЕКСАНДР: Мне пока что здесь больше нравится. А
парное молоко у вас есть? Так молока захотелось.

БАРМЕН: Молоко? Парное? Вы удивитесь, но нам как раз
такое подвезли.

Ставит на стол кувшин молока, протягивает Александру.

АЛЕКСАНДР (*отпивая молоко*): Вкусно! Как в детстве!
Даже кувшин похож. Это удивительно!

ЕКАТЕРИНА (*забирая и отставляя кувшин*): Некогда
тут баловством заниматься, изображая деревенского кота!

АЛЕКСАНДР: Так вкусно же!

ЕКАТЕРИНА (*бармену*): Когда нас найдут и доставят в
гостиницу?

БАРМЕН: В гостиницу вряд ли. Нужно сразу в больницу. Иначе выбор будет не за вами. Все само решится.

ЕКАТЕРИНА: Что решится?

БАРМЕН: Выживите вы или нет.

ЕКАТЕРИНА: Я вполне себе живая!

БАРМЕН: Я за вас очень рад. Но это потому, что Александр закрыл вас собою. Его раны более серьезные.

АЛЕКСАНДР: Вы говорите ерунду! Я абсолютно цел. И даже счастлив.

БАРМЕН: Вспомните, вы ехали в автобусе. Его остановили какие-то люди, перекрывшие дорогу. Захватили автобус. Велели водителю ехать к зданию правительства, достали взрывное устройство, стали ругаться. Кто-то из пассажиров бросился на них. Устройство взорвалось. Вы успели обнять Екатерину, заслонили ее собой. Сейчас вы в автобусе. Спасатели до вас еще не добрались.

ЕКАТЕРИНА: Я не знаю, что здесь происходит, но нам пора отсюда выбираться. Давай посмотрим, что там (*идёт к двери, за которой смерть*).

БАРМЕН: Там ваша смерть.

ЕКАТЕРИНА: Что?

АЛЕКСАНДР: Зачем вы нас пугаете?

БАРМЕН: Вы уже можете слышать, но совершенно меня не слушаете. То, что вы здесь, означает, что вы отключились,

потеряли сознание. У вас, Александр, состояние тяжелее, вы можете уже не очнуться. А вы, Екатерина, скорее всего, придете в себя. Если постараетесь.

ЕКАТЕРИНА: Я не понимаю. Вы что, всё это говорите серьезно? Про дверь и смерть?

БАРМЕН: Более чем. Поймите, за этой дверью ваша жизнь, без слуха, но всё-таки жизнь. А за той дверью... Вы верите в жизнь после смерти?

ЕКАТЕРИНА: Все мы после смерти попадаем на небеса.

БАРМЕН: Небеса не резиновые, но ладно. Это уже не мои проблемы. Это пусть задверный отдел в этом разбирается. Но вам нужно выбрать: либо налево, либо направо. Как тогда в двадцать два.

АЛЕКСАНДР: О чём он толкует? Здесь спокойно, безопасно. Давай останемся.

БАРМЕН: Здесь бесконечно оставаться нельзя. Всегда приходится принимать решения.

ЕКАТЕРИНА (*задумавшись*): В двадцать два? Да, это решение далось мне нелегко. Саша уже ухаживал за мной. Но я тогда встречалась с Владом. Красавец дипломат, с хорошими связями, знанием языков, поездками, устроенной жизнью. Он звал меня замуж. Казалось, счастье так близко. Но как долго? Как быстро ему надоела бы по уши влюбленная, но глухая жена? А Саша... Он только начинал работать в военном проектно-институте. Тоже без слуха. Нелюбимый, но

я знала, что он не упрекнет, не убежит к другой.

БАРМЕН: Это удивительно, как влюбленная женщина смогла сделать такой выбор. Вы не знали, Александр? Она выбрала вас за вашу глухоту. За то, что вы такой же.

АЛЕКСАНДР: В самом деле?

ЕКАТЕРИНА: У меня болезнь забрала уверенность в себе, но подарила уверенность в Саше. И не обманула. У Влада карьера дипломата не сложилась. Погорел на какой-то контрабанде. Что стало с его семьёй, я даже не знаю. Мужа я полюбила позже. Когда родился наш первенец. Здоровый, прекрасный мальчик. Особенный, с удивительным музыкальным слухом. Стал музыкантом. Играет на рояле. И самое прекрасное, что я видела в своей жизни, это порхающие по клавишам пальцы сына. Разве мог родиться у меня такой ребёнок от Влада? Конечно, нет. А с Сашенькой и ещё троих детей родить было нестрашно. Только воспитывает он их неправильно. Все время со мной спорит.

АЛЕКСАНДР: Я соглашаюсь с ней все время. Она этого просто не замечает. Придумает себе что-то, обидится и уходит. Будто все время проверяет, пойду я за ней или нет. Достаточно люблю её или мало. Вот и с поездкой этой сказала, что, если я откажусь, поедет сама, свалится с какого-нибудь утеса или башни, а я раскаиваться буду.

БАРМЕН: Екатерина, что с вами?

ЕКАТЕРИНА (*отходит к двери, снова говорит, растягивая слова и используя жесты*): Я почему-то перестаю вас

слышать. И меня что-то тянет к этой двери. Саша, Саша!

Александр бросается к ней, держит за руки.

АЛЕКСАНДР (*бармену*): Что с ней?

БАРМЕН: Она в сознание приходит.

АЛЕКСАНДР: Значит, будет жить?

БАРМЕН: Да.

АЛЕКСАНДР (*Екатерине*): Всё хорошо. Иди. Всё будет хорошо. (*обнимает*) Раз ты меня за глухоту выбрала, то я этой глухоте рад и благодарен безмерно. Дали б выбор прожить другую жизнь, со слухом, но без моей Кати, отказался бы, ей богу. (*отстраняет*) Иди! Всё хорошо.

ЕКАТЕРИНА: А как же ты? Я не хочу без тебя. Без тебя – не хочу.

АЛЕКСАНДР: Пусть жизнь идёт своим чередом, а ты все-му радуйся. Не жди меня, иди.

Екатерина уходит.

БАРМЕН: Почему вы не идете за ней?

АЛЕКСАНДР: Зачем?

БАРМЕН: Вы же ее любите. Любите жизнь.

АЛЕКСАНДР: Я все сделал. Чувствую приближение болезней, сердце сдавать стало. Уж лучше так. Главное, Катень-

ку свою вовремя обнял, заслонил. Я ведь уже на пенсии и ничего не проектирую. Отставной архитектор. Так хоть финальный штрих получился красивый.

БАРМЕН: Вот так сдаетесь? Так хоть молоко допейте. Парное, настоящее, как тогда.

Александр пьет молоко.

АЛЕКСАНДР: Я слух потерял в детстве, лет в шесть. Из-за произошедшего рядом взрыва. До сих пор помню некоторые голоса. Особенно голос матери. Потом научился понимать людей, читая по губам. Каждый раз, глядя на губы матери, что-то говорящей мне, слышал ее голос. Когда она умерла, слишком рано, мне тогда едва исполнилось двадцать четыре, я очень горевал, и особенно потому, что голос её в своей голове слышать перестал. А, познакомившись с Катей, в первую очередь обратил внимание на то, что у нее губы, линия рта и даже подбородок в точности такие, как у моей мамы. И глядя в лицо говорящей Кати, я снова слышал мамин голос. И полюбил её за это. Не только за это, конечно. Но это было самым важным.

А теперь пора. Пора уходить. Жизнь, как молоко, оставляет полоску над верхней губой. Но и эту полоску придется стереть. Молоко выпито, жизнь прожита.

Подходит к двери, за которой смерть.

ЕКАТЕРИНА (*голос за сценой*): Сашенька, милый мой, иди ко мне.

АЛЕКСАНДР: Слышите?! Она зовет меня! Это моя мама!

БАРМЕН: Нет, это ваша Катя вас зовет. Это её голос. И только вы можете его слышать таким. Больше никто.

ЕКАТЕРИНА (*за сценой*): Сашенька, милый, Сашенька мой, не уходи!

Александр срывается с места и бежит к противоположной двери.

Дверь за ним закрывается.

АНТРАКТ

Действие второе.

Эпизод 1 (6). НАТАЛЬЯ

В дверях, ведущих в смерть, появляется женщина с повязкой на глазах.

БАРМЕН: Ого! Редкий случай.

НАТАЛЬЯ: Где я? Здесь кто-то есть?

БАРМЕН: Да, Наталья. Вы в местном баре. Я здесь бармен.

НАТАЛЬЯ: В баре? Это странно. Мне казалось, что я уже умерла. Ощущение полета в результате ишемии. Да и другие признаки.

БАРМЕН: Так и было. Но сейчас вы здесь. На Перепутье.

НАТАЛЬЯ: Значит, я ещё жива?

БАРМЕН: Да.

НАТАЛЬЯ: Но почему?

БАРМЕН: Во время операции на глазах у вас сорвался тромб, произошёл...

НАТАЛЬЯ: Инсульт. А затем наступила клиническая смерть.

БАРМЕН: Вот, вы сами всё прекрасно понимаете. За вашу жизнь борются ваши коллеги. Они сумели стабилизировать состояние. Ввели вас в искусственную кому.

НАТАЛЬЯ: Старательные какие! Борются они, как же! Себя спасают.

БАРМЕН: Почему вы так говорите?

НАТАЛЬЯ: Потому что в современном мире начальника лучше обезвредить, чем ликвидировать. Тогда и сам с чистыми руками, и место свободно.

БАРМЕН: Это вы о чем?

НАТАЛЬЯ: Да они спят и видят, как займут моё место. Не все сразу, конечно. Много задниц на одно кресло не сядут. Как они обрадовались, когда у меня начались проблемы со зрением. Не в открытую, конечно. Но эта смесь жалости и ликования во взглядах. Я не могла их видеть так же четко, как раньше. Но я всё чувствовала.

БАРМЕН: Предполагать – не значит знать.

НАТАЛЬЯ: В моём случае это одно и то же. И не спорьте.

БАРМЕН: Хотите выпить чего-то?

НАТАЛЬЯ: Так у вас здесь настоящий бар, и выпивка есть?

БАРМЕН: Конечно.

НАТАЛЬЯ: Проводите меня за стойку.

БАРМЕН: Разумеется. (*подводит Наталью к стулу*) Так что вам предложить?

НАТАЛЬЯ: Скотч со льдом. Нет, лучше хороший коньяк. Или что-то легкое. Что у вас есть?

БАРМЕН: Почти всё, что угодно.

НАТАЛЬЯ: Тогда налейте мне кизиловки. Армянской ки-

зиловки хочу. Всё равно уже почти на том свете. Незачем соблюдать приличия. Не одним же спиртом себе пищевод обжигать?!

БАРМЕН: Вот, пожалуйста, Наталья, ваша кизилровка *(вкладывает ей в руку рюмку)*.

НАТАЛЬЯ: Так-то лучше! Эх, хороша! Люблю крепкие напитки! И долго не пьянею. Любого мужика могу перепить! Ладно, почти любого. Трех мужчин в своей жизни перепить не смогла. Соответственно и замужем была три раза. Дважды вдова. Сейчас в разводе. Дети взрослые уже. Зачем я вам все это рассказываю? Еще налейте. Сколько у меня времени в запасе? Когда на выход?

БАРМЕН: А вы уже с направлением определились?

НАТАЛЬЯ: Я могу выбрать?

БАРМЕН: Да, в этом баре есть две двери: одна ведет в смерть, а вторая в жизнь.

НАТАЛЬЯ: И я пришла из той, куда обычно уходят?

БАРМЕН: Если решают умереть, то да. И обычно оттуда не возвращаются. Но вам повезло. И теперь вы сами решаете, еще пожить или уже хватит на этом.

НАТАЛЬЯ: Это интересно. Вы сказали, что мне повезло. А я думаю, что было бы лучше умереть на операционном столе... Всегда этого боялась. За каждого пациента боролась до последнего и даже больше. Да, с того света возвращала. Вот из той самой двери, в которую сюда вошла. Подведите меня к ней.

БАРМЕН: Решили уйти?

НАТАЛЬЯ: Пока нет. Нужно определиться. К самой двери прикоснуться. Почувствовать пространство. Я же должна буду что-то почувствовать?

БАРМЕН: Не знаю. Я сюда хожу через другие двери. Но идёмте.

Подводит Наталью к двери справа.

БАРМЕН: Вот.

Наталья ощупывает дверь.

НАТАЛЬЯ (*разочарованно*): Обычная. Могли бы и позатейливее дверь в мир иной сделать. Всё-таки умирают люди. Из одного коридора в другой идут.

БАРМЕН: У вас в больнице тоже коридоры, двери. И в операционную, и в реанимацию. Что-то затейливых дверей там не видать.

НАТАЛЬЯ: Ваша правда. Не видать. Но там другое. Там отвлекаться некогда. Это работа. Конвейер из жизни и смерти.

БАРМЕН: Так и у меня здесь тоже работа как работа. Конвейер из жизни и смерти. Сегодня, правда, хороший день: всё больше в жизнь люди возвращаются. Глядишь, весь план мне сорвут (*смеется*).

НАТАЛЬЯ: А у вас есть план?

БАРМЕН: Нет, конечно. Это я шучу. Но жить всем и бесконечно невозможно. Потери неизбежны. Закон сохранения энергии. Чтобы прибыло новое, старое должно убыть.

НАТАЛЬЯ: Это вы на меня намекаете? Так я себя в старухи еще не записывала.

БАРМЕН: Нет, я не это имел в виду.

НАТАЛЬЯ: Ещё кизиловки хочу.

БАРМЕН: Вот.

НАТАЛЬЯ: Аккуратней.

БАРМЕН: Простите, присядьте. *(проводит к столику)*

Наталья выпивает

БАРМЕН: Что-нибудь ещё?

НАТАЛЬЯ: А как вы относитесь к современной медицине?

БАРМЕН: Я к ней не отношусь. Я из другой инстанции.

НАТАЛЬЯ: Повезло. Отвечать за судьбы других людей – тяжкое бремя.

БАРМЕН: Вам виднее.

НАТАЛЬЯ: Да, вы правы: раз сама я медик. Так что понимала все риски. Но всё-таки. Раньше ведь антибиотиков, антисептиков не было. Люди умирали намного чаще. В кому впадать было некогда. В лучшем случае – летаргический сон.

БАРМЕН: А это не одно и то же?

НАТАЛЬЯ: Нет. Они очень похожи, но различие между ними есть: в степени отключения головного мозга. При летаргическом сне мозг живет и работает: например, человек может видеть сны, а при коме мозг полностью отключен.

БАРМЕН: Не полностью, как видите.

НАТАЛЬЯ: Я не вижу.

БАРМЕН: Простите за бестактность. Позвольте предложить вам стаканчик айрана.

НАТАЛЬЯ: У вас есть айран?

БАРМЕН: У нас есть всё. Вот, пожалуйста.

НАТАЛЬЯ (*берет стакан, нюхает, пьет*): Отец мой служил на Кавказе. До моих пятнадцати лет мы мотались с ним по гарнизонам. Он умел пить крепкие напитки. В этом я в него. А по утрам ему часто подавали айран: скисшее овечье молоко, разбавленное водой, с листиками мяты и веточками укропа. Папа выпивал стакан большими глотками – и похмелья как не бывало. Я любила допивать из его стакана последний, самый вкусный глоток. «Смотри, Наточка, будь сильной, и спуску никому не давай», – говорил мне папа. Интересно, он был здесь?

БАРМЕН: После ранения долго лежал в коме и не вернулся. Вам его не хватает?

НАТАЛЬЯ: Он был строгим. И спуску никому не давал. Даже своим детям.

БАРМЕН: Налить вам ещё?

НАТАЛЬЯ: Нет. Последний глоток и хватит. Операция хоть прошла успешно?

БАРМЕН: Вы хотите знать правду?

НАТАЛЬЯ: Конечно.

БАРМЕН: Зрение сохранить вам не удалось. А после инсульта шанс равен нулю.

НАТАЛЬЯ: Вот как? (*надолго замолкает, встает с ме-*

ста, пытается перемещаться по комнате) Папа, папа, ты учил меня быть сильной. Хорошо. Предположим, судороги купируют, проведут профилактику отека мозга, другие реанимационные мероприятия – спасут, восстановят. Вернусь к жизни. Но без глаз. Что я в этой жизни без глаз? Я ведь больше ничего не умею! Я врач! Очень хороший хирург! Даже превосходный. Мои руки – это лучший в мире, самой тонкой настройки инструмент. Но кто будет руководить этим инструментом, если... Подведите меня к своей двери.

БАРМЕН: К своей не могу.

НАТАЛЬЯ: Чёрт с вами! К той, из которой я пришла!

БАРМЕН: А что у вас за нею?

НАТАЛЬЯ: Мое детство. Кочевое гарнизонное детство. Я ведь в бога не верю. Но я верю в жизнь. А жизнь живая, настоящая была у меня только в детстве. С тем последним глотком айрана в каждом папином стакане. Потом большой город, институт, мужья, дети, бесконечная работа, работа, работа. Это сейчас я Наталья Фёдоровна, а в детстве все меня звали Наташенька. Я, когда маленькая была, совершенно не хотела расти. Забиралась под табуреты, под стулья, под столы, кровати, диваны. Под шкаф один раз пыталась пробраться. Вернее, под буфет на высоких ножках. Только своими детскими ногами под него и пролезла, потом застряла. Плакать начала, кричать. Еле меня вытащили оттуда. А я думала, если помещаюсь под стул, значит, еще маленькая, еще ребенок, а буду так под ним сидеть, так и не вырасту нико-

гда. Теперь только под стол помещаюсь. И то не каждый.

БАРМЕН: Лазаете под столы?

НАТАЛЬЯ: Вы в своем уме? Нет, конечно. Только если ручка закатится или документ какой-то упадет. Я же уже не ребенок. Поэтому за дверью вашей у меня детство.

БАРМЕН: За вашей дверью, Наталья.

НАТАЛЬЯ: Хорошо, за моей. Хотя хозяин здесь вы, значит, и все двери ваши.

БАРМЕН: Не скажите. Я здесь всё могу делать: ходить, сидеть, петь, плясать, под столами и по столам лазать, напитки разливать, стулья двигать, а вот двери ваши открыть не могу. Ни одну, ни вторую. Только вы сами. У меня такой власти нет.

НАТАЛЬЯ: А ты будто грустишь об этом?

БАРМЕН: Нет, я вам ситуацию объясняю.

НАТАЛЬЯ: Ишь, отзывчивый какой. Как ты выглядишь? Опиши себя.

БАРМЕН: Зачем? Зрение к вам здесь всё равно не вернётся.

НАТАЛЬЯ: Хочу знать! Что тебе, трудно что ли? Или ты урод?

БАРМЕН: Уродов на такую работу не берут. Мы ведь с людьми работаем. Должны располагать к себе. Вот я и располагаю.

НАТАЛЬЯ: То есть внешность у тебя приятная?

БАРМЕН: Вполне.

НАТАЛЬЯ: Голос у тебя хороший. Мне нравится. А если к жизни вернуться, так ведь теперь всё время о людях только по голосу судить?

БАРМЕН: Теперь да.

НАТАЛЬЯ: Но я так не хочу!

БАРМЕН: Подумайте, может, в этом есть что-то хорошее?

НАТАЛЬЯ: Давай я тебе глаза выколю, и ты будешь со мной рядом сидеть и об этом думать.

БАРМЕН: Зачем так жестоко?

НАТАЛЬЯ: А ты со мной не жестоко?

БАРМЕН: Я ваши глаза не трогал.

НАТАЛЬЯ: Ты предлагаешь человеку, лишившемуся смысла в жизни, ориентира, нет, ориентации, опоры, найти в этом «что-то хорошее»!

БАРМЕН: Говорят же: «Не было бы счастья, да несчастье...».

НАТАЛЬЯ: Рационалисты чёртовы! Нет, я не согласна! Всё должно быть по-моему или никак. Если нельзя жить так, как я хочу, тогда и жить вовсе незачем.

БАРМЕН: Это ваше решение?

НАТАЛЬЯ: Это мои размышления. Налей мне еще кизиловки и оставь меня одну. Я хочу подумать.

БАРМЕН: Кизиловка закончилась.

НАТАЛЬЯ: Не думала, что она здесь пользуется спросом.

БАРМЕН: Может, предложить вам что-то ещё?

НАТАЛЬЯ: Глюкозы внутривенно? Спасибо, не надо. Я

же понимаю, что ты и твой бар – это действие реанимационных мероприятий, препаратов, которыми ребята меня сейчас, как ты говоришь, спасают. Только мне компания твоя не нужна! Уйдёшь ты, в конце концов?

БАРМЕН: Уже уйду (*отходит в сторону и садится*).

НАТАЛЬЯ: Ты громко дышишь. Я знаю, что ты здесь. Ты ведь здесь! Я сейчас расколочу все твои склянки! Неужели ушел? И этот ушел. Все уходят. Глаза б мои их не видели. Господи! Господи! Так они же и не видят! Не видят! Почему так?! Почему нельзя было просто убрать из моей жизни всех подонков? Почему нужно было лишать меня зрения? Нет-нет, это не окончательно. Что он может знать? Он всего лишь бармен. Я приду в себя. Восстановлюсь после инсульта. Это ишемический инсульт, я быстро восстановлюсь. Ребята знают свое дело. И по зрению найду лучшего специалиста. Пока у меня еще есть связи. Я еще авторитетное лицо. Меня все знают. Мне помогут. Всё еще можно исправить! Бармен! Эй, бармен! Я приняла решение! Я хочу жить! Где дверь? Где эта дверь?

Наталья мечется по сцене, находит дверь, за которой смерть.

БАРМЕН (*сидя в углу комнаты*): Это не та дверь.

Наталья падает на колени, плачет. Бармен подходит к ней.

БАРМЕН: Держитесь за меня. Я вас проведу.

НАТАЛЬЯ: Ты где был? Я тебя звала!

БАРМЕН: Вы велели мне уйти. Сказали, что вам нужно побыть одной. Вот я и ушел. Чтобы не мешать вам.

НАТАЛЬЯ: Ты думаешь, я боюсь смерти? Нет. Всё не так. Я боюсь жизни, вот этой новой жизни без глаз. Без возможности видеть.

БАРМЕН: Но вы можете слышать, ощущать, чувствовать.

НАТАЛЬЯ: Чувствовать? Беспомощность и никому не нужность? Нет, я не хочу. Я верну себе зрение!

БАРМЕН: А если вернуть его не удастся?

НАТАЛЬЯ: Чего ты добиваешься? Ты хочешь, чтобы я выбрала смерть?

БАРМЕН: Вы там уже были, но вернулись. Вы что-то не завершили, не выпили последний глоток?

НАТАЛЬЯ: Я не хочу, чтобы мой последний глоток айрана был здесь с тобою. Лучше поехать к бабушке Арминэ, научиться доить горных овец, разбавлять скисшее молоко водой, растирать в руках листья мяты и стебли укропа, и никогда больше не знать похмелья от этой трудной жизни, когда ты в ответе за всё. Я хочу отсюда уйти. В ту дверь, за которой жизнь.

БАРМЕН: Ваше решение окончательное?

НАТАЛЬЯ: Конечно! Там ведь люди борются за мою жизнь. Нужно им помочь.

БАРМЕН: Верно! *(подводит Наталью к двери в жизнь)*. Вот ваша дверь.

НАТАЛЬЯ: Спасибо! Теперь я по голосу и по руке твоей

поняла, что ты хороший человек. Знаешь, доверять людям сложно, но я попробую.

Уходит

Эпизод 2 (7). РИТА.

Из двери выскакивает девушка, захлопывает дверь, упирается в нее спиной, раскинув руки в стороны, чтобы дверь с обратной стороны не открыли.

РИТА: Что? Кто? Как? (*оглядывается, замечает бармена*) А где эти двое? Ты кто?

БАРМЕН: Я бармен.

РИТА: Откуда бармен? Мы из бара давно ушли!

БАРМЕН: Налить вам что-нибудь?

РИТА (*пугаясь*): Не надо! У меня и так уже бак под завязку, по самое "не проливайся". Ты как здесь оказался?

БАРМЕН: Я здесь был. Тебя ждал.

РИТА (*хватает стул, направляет ножками к бармену*): Ах ты, гнида! Ты с ними заодно, да?!

БАРМЕН: Нет, я сам по себе. Я здесь работаю.

РИТА: Где здесь? Мы на хате были! Ты на хате что ли работаешь?

БАРМЕН: Я бармен.

РИТА: Да я вижу, что не топ-менеджер. Я спрашиваю, откуда ты взялся? Куда твои дружки делись?

БАРМЕН: Те двое, что вас мучили, мне не дружки. Я их знать не знаю и предпочел бы не встречаться.

РИТА: Я тоже... предпочла бы. Свиньи! Гады! Козлы! Убл...

БАРМЕН (*протягивает стакан*): Воды хотите?

РИТА (*защищается стулом*): Не подходи!

БАРМЕН: Меня можете не бояться. Я ничего вам не сделаю. Те двое остались там. Где и были.

РИТА: Так ты меня спас? Я не помню ни черта. Я отрубилась.

БАРМЕН: Неудивительно. У вас болевой шок.

РИТА: Какой такой болевой шок?

БАРМЕН: Такой, от которого умирают.

РИТА: А ты меня, значит, спас, и я не умерла.

БАРМЕН: Пока не умерла. Но я вас спасти не могу. Могу только налить чего-нибудь, что хотите.

РИТА: Я что-то не пойму ничего. Вот она я. Вот он ты. Хмырей этих больше нет. Я жива живехонька, а ты говоришь...

БАРМЕН: Ну, здесь не совсем вы. Не вся. Душа только. Наверное, можно так сказать. Вы в душу верите?

РИТА: Запутать меня хочешь? Мозги мне запудрить? Как те двое? Девушка, можно вас угостить, хорошо проведем вечер. Подпоили меня чем-то, притащили куда-то. По-доброму же можно было. Извращенцы хреновы! И ты мне тут про душу заливаешь!

БАРМЕН: Можете назвать это иначе. Только тело ваше осталось там (*показывает за дверь*). С теми двумя. И они продолжают делать то, что делали. С вашим телом. Еще живым. Вы дышите еще. Но у вас шок. Болевой. Поэтому вы

здесь. Вы либо умрете от всего происходящего, либо очнетесь. Когда все закончится. Когда-нибудь же это закончится. Их же только двое.

РИТА: Ты хочешь сказать... Я на том свете, да?

БАРМЕН: Не совсем. Еще нет. В предбаннике, так сказать. На перепутье.

РИТА: И что мне тут делать? Лясы с тобой точить, пока не окочурюсь?!

БАРМЕН: Как вариант. А можно назад в жизнь вернуться. Она там, за этой дверью.

РИТА: Куда вернуться? К ханурикам этим? К садистам-извращенцам? Лучше помереть! Где у вас тут помирают? Кто крайний? Я следующая! *(садится на стул)*

БАРМЕН: Тогда это вам вон в ту дверь.

РИТА: А там что? Очередь на тот свет?

БАРМЕН: Нет, сразу тот свет. Без очереди.

РИТА: Вот это сервис! Это я понимаю! Можно я еще у

тебя здесь посижу? А то кто его знает, что меня там ждет. Я вечно в переделки попадаю. Невезучая я. Вот, жизнь прожила, а счастья не нажила. И порадоваться не успела.

БАРМЕН: Вы еще живы.

РИТА: *(долго смотрит на бармена)* А подонкам этим ничего не будет? За меня? Скажут, сама виновата, пьяная была? Не пойдешь ведь в милицию, скотам этим рассказывать, что и как с тобой делали. Спасибо, не надо. Уже проходили. Показания собирают, как грибы в лесу. И это им расскажи, и это еще раз. А кто это может подтвердить? А почему вы не кричали, не звали на помощь? А я кричала и звала, но не одна сука не пришла. И сейчас тоже. Я думала ты меня спас, а ты... просто бармен.

БАРМЕН: Я не просто бармен. Я волшебник. Могу налить тебе настойку забвения. Выпьешь, вернешься в свою жизнь и ничего помнить не будешь. Один бокал – из памяти уйдет день, два – год, три – вся предыдущая жизнь.

РИТА: Плохо у тебя с арифметикой.

БАРМЕН: Настойка сильная. Повторное употребление усиливает действие многократно. Заинтересовало?

РИТА: Нет. Меня интересует, где взять тряпку, чтоб твою физиономию из картины моей жизни стереть. Ты чего такой противный? Стоишь тут, палишься, умничаешь. Ты же такой же, как они, как все мужики! Вы все одинаковые!!! Сначала притворяетесь людьми, а потом бац – и опять скотина! Все! До единого! *(мечется между двумя дверьми)* А я молодая еще! Я жить хочу! Но как на свете жить, когда кругом одни скоты?! А ты можешь сделать так, чтобы я не просто туда вернулась, а вернулась – и там у меня нормальная, счастливая жизнь началась?

БАРМЕН: Нет, не могу. Это не от меня зависит.

РИТА: А от кого?

БАРМЕН: От вас самой. Как решите, так и будет.

РИТА: Дурак ты! *(смеется)* Хоть и умный. Ты думаешь, я что, сама себе такую жизнь выбрала? Сама всего этого захотела? Сама так решила? Мразь ты последняя, если так думаешь. Ненавижу тебя. Их ненавижу. Всех ненавижу! Всю жизнь мне отравили!

БАРМЕН: Сок морковно-яблочный, свежавыжатый *(протягивает стакан)*.

РИТА: Что?

БАРМЕН: Сок, говорю. Морковно-яблочный.

РИТА: Ты на деда моего не похож.

БАРМЕН: Куда мне до него?!

РИТА: Да, мировой был мужик! (*берет стакан, пьет*). И вкус очень похож. Август. Конец каникул. Дед сам все в огороде сажал. И яблони у него были огромные. Ветки от тяжести яблок ломались. Он их рогатинами подпирал. От яблочного сока у меня желудок болел. Дед яблочный сок любил, консервированный. Кислятина, не приведи господи! А для меня специально делал морковно-яблочный: вкусно, и желудок не болит. Жаль, рано умер дед. Участок родители мои продали. Деньги пропили. Что стало с яблонями, не знаю. Мы в деревню больше не приезжали. Почему батя мой не в деда пошел? Почему у меня теперь вся жизнь – яблочный сок, от которого живот сводит? Это ведь так легко: быть бережным, заботливым, нежным, говорить хорошие слова, любить, верить. А я уже не умею верить! Нет! Нет! Умею! Я ведь и этим двоим поверила! Снова! А ведь они чьи-то дети. Их же тоже женщины родили. Что ж за твари их растили, если они так поступают?! Как они могут делать такое с женщиной?! Ты не знаешь?

БАРМЕН: Не знаю.

РИТА: И я не знаю.

БАРМЕН: Сока еще налить?

РИТА: Налей. Дед мой хорошим человеком был. Великую отечественную прошел. Ранения, ордена, всё такое. Дом сам построил. Яблони посадил, груши. Всем с ним было хорошо. Интересно, а сейчас такие мужики еще остались?

БАРМЕН: Ровесники деда твоего, прошедшие войну?

РИТА: Нет! Такие же хорошие, порядочные, работающие.

БАРМЕН: Конечно. Такие всегда есть. Только получше присмотреться надо. Может, не в барах. А где-то в других местах поискать.

РИТА: А что, к тебе такие не захаживают?

БАРМЕН: У меня всякие бывают. Но у меня же бар необычный. На перепутье стоит.

РИТА: И не одиноко тебе здесь одному? Баба хоть есть у

тебя?

БАРМЕН: Мне не одиноко. У меня всегда посетители. Или почти всегда. Есть даже одна, которая специально находит способы, чтобы меня навестить.

РИТА: Ну вот, только присмотрела мужика хорошего, а он уже занят!

БАРМЕН: Что ж, так тоже бывает. Но отчаиваться не стоит.

РИТА: Стоит, миленький, стоит. Отчаяние очень дорого стоит. (*поет*). Как думаешь, найду я себе мужика нормального? И такого, что примет меня, полюбит, со всем моим дерьмом жизненным, со всем вот этим, что сейчас там?

БАРМЕН: Если ты сейчас не очнешься, не позовешь на помощь, тебя убьют.

РИТА: Как убьют? За что убьют? Нет, я не согласна! Я им глаза выцарапаю! Вот этими руками! Что мне делать?

БАРМЕН: Дверь там!

РИТА: Если эти сволочи к тебе попадут, яйца им поот-

рыва́й, зажа́рь и яични́цей сле́дующих по́сетителей у́годи. Скажи: "От Риты пламенный привет!" А я еще стану счастливой! Обязательно стану!

Выбегает за дверь.

Эпизод

3 (8). ВЕНИАМИН.

В дверь входит очень болезненного вида мужчина, оглядывается по сторонам.

ВЕНИАМИН: Тоже неплохо (*проходит к барной стойке и садится на стул*). Чаю, милейший. Хорошего, крепкого чаю. И сахара ложки три положите. С горкой. Я люблю очень крепкий и очень сладкий чай. В последние дни у меня всё время горечь во рту. Это от лекарств, наверное. И мне постоянно хочется сладкого. Но сладкое тоже горькое. Вот несправедливость! Может, у вас будет иначе.

БАРМЕН (*ставит перед ним чашку*): Вот, пожалуйста.

ВЕНИАМИН (*пьет*): Благодарю. За чай и за то, что ты такой молчаливый. И чай вкусный. Сладкий! У вас здесь очень уютно. И тепло. В прошлый раз я попал в какую-то мерзкую комнату с противными чавкающими лягушками. А перед этим был погреб, холодный и сырой, со вздутыми банками, которые грозили вот-вот лопнуть. Ещё раньше был чулан, в котором я спрятал пакет с шоколадными конфетами и никак не мог найти. И чердак с летучими мышами был. Они срывались с балок, хлопали своими резными крыльями

по воздуху. От этого противного звука у меня закладывало уши. И собеседники у меня уже были. Очень болтливые собеседники. Как и в жизни. Ты первый молчаливый.

БАРМЕН: Ещё чаю?

ВЕНИАМИН: А какао у тебя есть?

БАРМЕН: Конечно.

ВЕНИАМИН: Только послаще.

БАРМЕН: Разумеется.

ВЕНИАМИН: Вообще мне сейчас очень кофетсы.

БАРМЕН: Кофетсы?

ВЕНИАМИН: Да, это значит, хочется хорошего кофе, крепкого, с коньячком. Заваренного в джезве, разлитого по маленьким чашечкам, дымящегося, сладкого, вкусного. Но мне нельзя. Категорически и абсолютно.

БАРМЕН: Здесь можно. Вот ваш кофе из джезвы.

ВЕНИАМИН: И ничего не будет?

БАРМЕН: Ничего не будет.

ВЕНИАМИН: Первый раз я в таком волшебном месте. Обычно в страшилки какие-то попадаю, а здесь кофе наливают! (*пьет*) Вкусно! Давно мечтал. Всё-таки мечты сбываются, нужно только найти правильное для них место.

Звучит сюита №1 для виолончели Баха.

БАРМЕН: Вы слышите музыку?

ВЕНИАМИН: Конечно. Этим она и пользуется.

БАРМЕН: Она?

ВЕНИАМИН: Да, есть у меня заноза в ягодице. Прихо-

дит ко мне, как к себе домой, включает своего Баха или Чайковского. Это Бах, кажется. И ждет, когда я очнусь. И ведь знает, что я обязательно очнусь, потому что мне интересно. Повадилась она читать мне романы Агаты Кристи. Хорошо читает, в лицах. Жестикулирует мало, а характеры передает хорошо. И всегда останавливается на таком месте, что умирать жалко, хочется узнать, в чем же там дело. В прошлый раз читала мне роман «Бремя». Ты читал?

БАРМЕН: Нет. У меня здесь бар, а не библиотека, к сожалению.

ВЕНИАМИН: Да, жаль. Но ты почитай. Хорошая книга. Там за лежачим больным ухаживает жена, он уже не встанет и постоянно третирует жену всякими придирадками, а сестра жены даёт ему лишнюю дозу лекарств, и он умирает. И сестра живёт с этим бременем всю жизнь.

БАРМЕН: Захватывающая история!

ВЕНИАМИН: Но так не бывает. Я в эту сказку не поверил. Бремя – это больной, но почему-то не умирающий человек. Я же сейчас на его месте. Я знаю, что умираю. Неоперабельная опухоль в головном мозге. Боли такие, что мне колют наркотики. Всё законно. Я, наверное, уже наркоман. Но какая разница, в моём-то случае? Всё равно скоро конец. Или он уже наступил?

БАРМЕН: Пока нет. Музыка ведь слышна.

ВЕНИАМИН: Ты тоже её слышишь?

БАРМЕН: Слышу. Красивая музыка.

ВЕНИАМИН: Настоящая. Так Рада говорит: «Бенджамин, это настоящая музыка. Она вернет тебя к жизни!». Она любит называть меня на английский манер Бенджамином, хотя все остальные зовут меня просто Веня. Хотя нет. Лечащий врач обращается ко мне исключительно по-деловому. Вениамин Севастьянович...

БАРМЕН: «Вы опять пропустили процедуры!»

ВЕНИАМИН: Глупо, правда? Будто от того, что он пронесет моё имя своим мерзким голосом, у меня анализы улучшатся. Я просил его никого ко мне не пускать. Сбагрили в хоспис для умирающих, так чего микробов ко мне носить? И мать, и сестры только плачут, делают вид, что им меня жалко. Жалуются на то, что не могут предоставить мне какой-то там должный уход.

БАРМЕН: Может, у них денег нет? На лекарства и прочее?

ВЕНИАМИН: Может, и нет – на меня. Когда я работал и деньги им на всё давал, то всё было хорошо. Почти ослеп за этим компьютером. Но ведь у меня семьи нет, куда мне столько денег, а вот другим они нужнее. (*передразнивает*) «Венечка, милый, мы у тебя в неоплатном долгу». Но лежа на больничной койке, я всех своих должников распугал, никто мне должный уход обеспечить не может.

БАРМЕН: А как же Рада?

ВЕНИАМИН: Рада мне всегда рада. Но это только потому, что я её не сильно привечаю, жить с собой не позволяю.

Она же давно у меня в ухажерках. Как заболел, она так обрадовалась! Получила повод и возможность трепать мне нервы, прикрываясь заботой и участливостью. Тьфу! Ненавижу таких. У них все вокруг прекрасные, жизнь сама прекрасна, ты прекрасен, даже если пукаешь громко и при всех. Любит она тебя любого: толстого, худого, лысого, волосатого, бородатого, с плохим запахом изо рта.

БАРМЕН: Но ведь любит!

ВЕНИАМИН: Что это за самоуничижение?! Любить увечного человека?! Разве нормальная женщина может любить мужчину, который уже ничего из себя не представляет и ничего мужского не может? Это патология какая-то? А зачем мне любовь сумасшедшей? Мне и нормальных женщин любви не сильно-то были нужны. Одни проблемы от их любовей. Лучше проще: пришла, всё сделала, ушла. Ну, там цветочки подарить, конфеты, вино хорошее, в театр сводить, на выставку, на экскурсию вместе съездить – это я могу. Мог. Это хлопотно, конечно, но вполне мне под силу. А любовь здесь причем? Чего на ней все помешались?

БАРМЕН (*пожимает плечами*): Ещё кофе?

ВЕНИАМИН: Нет, хорошего понемножку. Да и всё равно во рту горчит.

БАРМЕН: У меня тут есть холодненький компот из алычи. Может, хотите?

ВЕНИАМИН: Из алычи? Холодненький? Обязательно! Из алычи я люблю.

БАРМЕН: Вот (*ставит стакан перед Вениамином*).

ВЕНИАМИН (*пьёт*): Такой бабушка моя варила. А саму алычу ей соседка давала. Внучка соседки, Вика, приносила нам целый таз. Мы потом сидели вместе и перебирали алычу. Мыли, по банкам раскладывали. Вика любила моей бабушке помогать. Или она просто со мной побыть хотела. Нравилась она мне. Очень. Я даже ей стихи писал. Глупые такие, восторженные. «У тебя глаза глубже, чем небеса. У тебя коса – не коса, полоса, что уходит вдаль. Догоню, обниму. Я тебя одну не отдам никому».

БАРМЕН: И что потом?

ВЕНИАМИН: Она сказала, что стихи хорошие, я хороший, но целоваться не умею. Я ей всё лето доказывал, что умею целоваться. Я тем летом целовался лучше всех. Я только этим и бредил. Мне такие сны снились! Мне больше никогда столько таких снов не снилось. А потом всё случилось. Только как-то быстро слишком получилось. Слишком быстро, понимаешь?

БАРМЕН: Не очень. Но стараюсь.

ВЕНИАМИН: Стыдно было ужасно. И ей, и мне. Приходить к нам она перестала. Я тоже не пытался с ней объясниться. Что я мог ей сказать? Что в моем возрасте и при силе моего желания иначе быть не могло? Что она должна меня понять, простить и дать второй шанс?

БАРМЕН: Как вариант.

ВЕНИАМИН: Так я тогда всего этого и сам не понимал,

и поговорить было не с кем. Я просто решил, что влюбляться вредно, писать стихи – вообще зло, а мечтать о девушке слишком долго нельзя категорически. Ни одна женщина дольше полугода рядом со мной не задерживалась. Я всех тихо из своей жизни выпроваживал. Почти всех. Одна или две ушли с криком. Но вот эта Рада пришла, уселась на стул и сидит при мне уже два года. И зовет меня этим дурацким английским именем...

БАРМЕН (*изображая Раду*): Бенджамин.

ВЕНИАМИН: Я, когда хочу её позлить, говорю: «Женщина Рада вышла из ада. Темная сила всех искусила». Вот, строчки начал рифмовать. Это плохой признак. А она сидит и сидит. Надоела мне до чертиков.

БАРМЕН: Чем же?

ВЕНИАМИН: Бесит меня ужасно. То она в такой яркой кофте придет, что у меня глаза болят. То оденется так, что сливается с обстановкой комнаты, и я не понимаю, где она. То выльет на себя весь флакон дурно пахнущих духов. А еще она просто обожает опаздывать или слишком рано приходиться. Невыносимая женщина! Мне ее очень не хватает. Долго мне еще тут сидеть?

БАРМЕН: Две двери в вашем распоряжении. Та, что слева, вернет вас к жизни, а та, что справа, приведет к её окончанию.

ВЕНИАМИН: Вот как? Я думал, что просто переживаю, пока действие лекарств не ослабнет.

БАРМЕН: Нет, на этот раз всё серьезней. Вы находитесь между жизнью и смертью. И выбирать вам.

ВЕНИАМИН: То, что у меня за этой дверью, это уже не жизнь. Это подобие какое-то. Карикатура. Издевка. За-медленная съемка действия гильотины, которая не отменяет остроту ножа.

БАРМЕН: И что, совсем ничего хорошего нет?

ВЕНИАМИН: Есть. Воспоминания. Я помню запах све-жескошенной травы. Помню хор вечерних цикад. Речку ноч-ную, теплую, как парное молоко. Я знаю, что такое лежать на песчаном берегу, ходить по перилам набережной, скатывать-ся со снежной горы. Зачем я занялся программированием? Я так здорово рисовал и сочинял фантастические истории. Сам придумывал цельные рассказы и делал иллюстрации к ним. Я старался делать свои истории захватывающими.

БАРМЕН: И получалось?

ВЕНИАМИН: Вполне! Я мог бы книжки писать. И рисун-ки к ним рисовать. Сам! Этим программированием весь мозг себе выел. Нельзя ведь так зацикливаться на одном, а то вы-растет опухолью, разрастется так, что черепная коробка всё вместить не сможет. Родничок ведь давно зарос, сигналы из космоса уже не пропускает. Или ещё пропускает?

БАРМЕН: А как это проверить?

ВЕНИАМИН: Я не знаю. Но ведь я сейчас здесь с тобой разговариваю. Я ведь могу о тебе написать! Чем не история? Расскажу, как к тебе люди приходят, сидят, о жизни и смер-

ти размышляют. Напитки разные пьют. Что у тебя есть из фирменного?

БАРМЕН: Коктейль желаний!

ВЕНИАМИН: Коктейль желаний? Прекрасно! Хорошее название – и для напитка, и для истории. Жизнь, смерть, а посередине ты. Эдакая перевалочная база.

БАРМЕН: У нас это называется Перепутье.

Звучит «Вальс цветов» Чайковского

ВЕНИАМИН: Пусть будет Перепутье. Мне даже нравится.

БАРМЕН: А для Рады твоей там место найдется? Вон, она тебе уже Чайковского включила.

ВЕНИАМИН: Тоже мне, спасательница шелкунчиков! Зачем она мне? У меня ведь жизненная стратегия только начала выстраиваться. Мне в ней лишние элементы не нужны. Рада эта найдет себе очередного калеку и побежит его спасать, а я уже спасенный, я ей теперь неинтересен.

БАРМЕН: А как же благодарность?

ВЕНИАМИН: Благодарность? За что?

БАРМЕН: За спасение.

ВЕНИАМИН: За спасение?! Бахом, Чайковским и Агатой Кристи? Хорошо, как на ноги стану, свожу её в кафе или в ресторан, поблагодарю за всё и... попрощаюсь. Отметим с ней в торжественной обстановке день нашего расставания.

БАРМЕН: И скучать не будешь? Ты здесь всего десять минут, а уже затосковал по ней.

ВЕНИАМИН: Я, затосковал? Ничего подобного! Может, самую малость. Просто она мне роман еще не дочитала. Но я скоро сам смогу. Я уверен. Я теперь точно знаю, что мне нужно. Коктейль желаний! А Рада может попробовать поболтаться рядом. Если не будет слишком назойливой, я её потерплю. Главное, не начинать писать стихи.

БАРМЕН (*подносит бокал с коктейлем*): Коктейль желаний!

ВЕНИАМИН: Что-то боязно мне стало.

БАРМЕН: Отчего же?

ВЕНИАМИН: А вдруг, если я выздоровею, она сама от меня уйдёт? Вернее, приходит перестанет? Что я тогда делать буду? Где я ещё такую дуру найду? Она ведь у меня еще и красивая! Я не говорил?

БАРМЕН: Не успел.

ВЕНИАМИН: Мне же стыдно ужасно было, что ко мне такая женщина приходит, а я никак себя по-мужски проявить не могу. Вернее, могу, но это всё бесконтрольно как-то. Как тогда, в юности. Будто от меня ничего не зависит, и большие желания приводят к большим катастрофам. Вот я и боялся желать. (*ньёт*) Но теперь не боюсь. Книжка, рисунки, Рада! Я знаю, что нужно делать. Спасибо, друг. Это мой лучший день. Не жди меня. Увидимся не скоро. Прощай. (*уходит*)

Эпизод 4 (9). БАРМЕН

Бармен подходит к закрывшейся двери, гладит её рукой.

БАРМЕН: Странные существа эти люди. Сами не знают, что им нужно. Сами придумали себе проблемы, сложности, соперничество, предательство, беспокойство. Всё суется, суется. Даже сюда приходят и ничего не понимают. Не все, конечно. Был тут недавно один старичок. Примечательная личность. Сколько ему было? Девяносто два. Всю жизнь работал, обустроивал быт, но и радоваться не забывал. На гармошке играл, песни пел. Душевные и веселые. На пенсии пчеловодством занялся. И книги стал писать. О своей прожитой жизни, о людях, с которыми его эта жизнь сводила. И вот он всем был доволен. Всё ему нравилось. И там, за этой дверью, и здесь у меня, и туда (*указывает на дверь справа*) идти не боялся. Не спешил, но и остаться, жить дальше не собирался. Сказал, что время тянет, потому что расстояния между людьми большие. Что нить родовую тоже крепко в руках держать нужно, а он в свое время её отпустил. Вот дети и разлетелись по миру. При жизни последние лет десять никак их всех вместе собрать не мог. Внуков не всех видел. А сейчас, зная, что отец умирает, все приедут попрощаться, застать живым.

Кажется, люди это называют любовью. Интересно, как это – любить? Как это просыпаться каждый день в новом дне?

Вот у меня ни сна, ни дня, ни ночи нет. Я всегда здесь, всегда готов принять посетителя и не понимаю их усталости. Как явления – не понимаю. А усталости от жизни – тем более. Там ведь столько... нет, не развлечений. Был тут у меня один, всё развлекался. Да и не один миллиард у меня тут таких было. Дело в другом. Там столько открытий постоянно, столько прекрасного, интересного, того, ради чего и придумана человеческая жизнь.

И ведь здорово придумана. Живи, знакомься с самим собой, с другими людьми, животными, птицами, растениями, даже камнями. Узнавай мир, трогай его руками, любуйся красотой. Я ведь вижу всё, что с ними там происходит – их глазами, их мыслями. Чувствовать, как они, не могу, но всё понимаю. Я словно читаю бесконечные книги чужих жизней. Всё такое захватывающее, интересное. И ты сам почти там. Почти. Так порой хочется оказаться в том мире самому. По-настоящему. Пожить среди знакомых тебе героев, расширить пространство до бескрайних горизонтов, плыть, плыть, потом идти, подниматься в горы, спускаться в ущелья. Любить. Я не знаю, что это такое. Но эти люди, эти странные существа просто помешаны на любви, а объяснить её толком не могут. И я, глядя на всё их глазами, их мыслями, всё равно любовь не понимаю. Наверное, это нужно прожить. Родиться, вырасти, научиться жить среди людей, научиться чувствовать и понимать свои чувства, найти в себе эту самую любовь и отдать её всю. Пусть бы её становилось всё больше

и больше от того, что даришь её миру.

Слышало бы меня сейчас моё начальство – прогнали бы с работы. Я только читатель. Дежурный на перепутье. Как же повезло людям. Можно и мне прожить жизнь? Хотя бы разочек. Чтобы узнать, что такое счастье, о котором так много говорят, от воспоминаний о котором у людей всегда светятся лица, даже самые некрасивые лица – светятся. Можно я тоже попробую? Хотя бы раз?